

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (3)
2015**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Юридические науки

Учредитель

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

ISSN 2313-6936

© ВлГУ, 2015

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

На 4-й полосе обложки размещена фотография Е. Осиповой

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский

государственный

университет имени

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции:

600005, г. Владимир,

ул. Студенческая, д. 8,

ауд. 203

Адрес электронной почты:

vestnikvlgu.pravo@mail.ru

тел.: +7 (4922) 47-76-01

Подписано в печать 27.03.2015

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 9,75

Тираж 1000 экз.

Заказ № 6/3

Отпечатано

в ООО «Издательство

“Шерлок-пресс”»

600001, г. Владимир,

ул. Студеная гора, 36А

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>З. А. Аскеров</i>	кандидат юридических наук, Ph. D., профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Е. Е. Каймульдинов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. С. Подшибякин</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Р. А. Ромашов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. А. Сергеев</i>	кандидат исторических наук, Ph. D., доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Богатырёв В. В. Принципы конституционализма как фундаментальная основа формирующегося глобального права.....	5
Борисова И. Д. Вопрос о компетентности государственного чиновника в концепции М. М. Сперанского.....	13
Евдеева Н. В. Применение методов научного исследования (на примере формы государства).....	17
Новиков М. В. Категория «мера» в правовом регулировании общественных отношений: отдельные аспекты исследования и реализации	21
Ошмарин А. А. Специфика формирования правосознания российского купечества во второй половине XVIII в.	26
Ромазанова Ю. Ю. Понятие, сущность и механизм реализации юридических гарантий обеспечения конституционно-правового статуса личности.....	33

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Андреев А. Ф. Международно-правовое позиционирование Российского государства в современном миропорядке.....	38
Колосов А. С. Новеллы правового регулирования вопросов назначения вида исправительного учреждения.....	53
Лепёшин Д. А. Влияние неформальных лидеров на состояние правопорядка в пенитенциарных учреждениях.....	59
Сорокин М. В., Сорокина О. Е. Теоретические основы характеристики пенитенциарных правонарушений	64
Худойкина Т. В. Мировое соглашение как примирительная процедура разрешения юридического спора и конфликта	70
Сведения об авторах	78
Правила оформления и предоставления рукописей	82

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Bogaty'ryov V. V.

Principles Constitutionalism as a Fundamental Basis the Global Rules 5

Borisova I. D.

Question of Competence of the Government Official
of the Concept M. M. Speransky..... 13

Evdeeva N. V.

Application of Methods of Research (for Example Forms of Government)..... 17

Novikov M. V.

Category «Measure» in the Legal Regulation of Social Relations:
Some Aspects of the Study and Implementation 21

Oshmarin A. A.

Specifics of Formation of Legal Awareness of the Russian Merchants
in the Second Half of the XVIII Century 26

Romazanova Yu. Yu.

Definition, Nature and Mechanism of Implementation of Legal Guarantees of the
Constitutional and Legal Status of the Individual..... 33

**CURRENT ISSUES BRANCH JURISPRUDENCE
AND LAW ENFORCEMENT**

Andreev A. F.

International Legal Positioning of the Russian State
in the Modern World Order 38

Kolosoov A. S.

Novels Legal Regulation Issues Purpose Type
of Correctional Institution 53

Lepyoshin D. A.

The Influence of Informal Leaders on the State of Law
and Order in Prisons 59

Sorokin M. V., Sorokina O. E.

Theoretical Basis of Characteristics Penal Offenses 64

Khudojkina T. V.

Settlement Agreement as Conciliation – Time Decisions
of a Legal Dispute and Conflict..... 70

About the Authors..... 80

Rules and registration of manuscripts 82

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

В. В. Богатырёв

**ПРИНЦИПЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ОСНОВА ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА**

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что процесс глобализации активно стимулирует создание глобального права. Фундаментом формирующейся правовой системы являются основные принципы международного права. Данные принципы составляют основу глобального конституционализма.

Ключевые слова: глобализация, глобальное право, международное право, принципы права, правовые принципы, конституционализм.

V. V. Bogaty'ryov

**PRINCIPLES CONSTITUTIONALISM
AS A FUNDAMENTAL BASIS THE GLOBAL RULES**

Abstract. The process of globalization is actively stimulates the creation of global law. The foundation of the emerging legal system are the basic principles of international law. These principles are the foundation of global constitutionalism.

Key words: globalization, global law, international law, the principles of law, legal principles, constitutionalism.

В XXI в. перед человечеством открылись невиданные возможности для процветания, и вместе с тем возникли новые вызовы и угрозы его существованию. Возникновение новых проблем непосредственно связывают с процессом глобализации, масштабы которого все больше увеличиваются. В современной науке под данным явлением понимается осознание взаимозависимости всего человечества и объединения усилий, необходимых для разрешения возникающих проблем¹.

Одним из важнейших инструментов, придуманных человечеством для решения постоянно возникающих проблем, является право. При этом если предстоит решать глобальные проблемы, то и право тоже должно глобализироваться и стать глобальным. Известный российский теоретик права В. В. Лазарев отмечает, что «с некоторого времени обнаруживается тенденция к интеграции права. Формирование европейского права и появление элементов мирового права замечено и практикой, и теорией»².

© Богатырёв В. В., 2015

¹ Грохальски С. М. Понятие глобальной проблемы и ее значение для международного права // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. 1999. № 1.

² Лазарев В. В. Поиск права // Журн. рос. права. 2004. № 7. С. 4.

Однако до сих пор в правовой науке не прекращаются споры о глобализации в праве. В частности, высказываются мнения как о невозможности формирования глобального права как такового, так и о его фундаментальной основе, позволяющей объединить в его составе все правовые системы планеты.

Ранее мы высказывали свою точку зрения о невозможности формирования глобального права¹. В рамках настоящей статьи изложим свои соображения по фундаментальной основе глобального права – принципам конституционализма.

В первую очередь необходимо определиться со следующими понятиями: «глобальное право», «конституционализм», «принципы права», «правовые принципы», а также выявить их взаимосвязь в свете заявленной темы.

При раскрытии дефиниции «глобальное право» следует учитывать, что существует как минимум два подхода к определению данного понятия – широкий и узкий: в первом случае под ним понимается совокупность всех правовых явлений в масштабе человеческой цивилизации, во втором – нормы международного права, территория действия которых определена пределами планеты Земля и околоземным пространством². Исходя из поставленных целей нашего исследования, мы будем опираться на первый подход, так как он позволит нам проанализировать основы права в масштабах всей планеты.

На настоящий момент глобальное, или планетарное, право представлено несколькими нормативно-правовыми блоками: международным правом и 192 правовыми системами, которые можно классифицировать по различным правовым семьям, где, как правило, формы, в которых фиксируется позитивное право, совпадают.

При этом необходимо отметить, что сегодня глобальное право представляет собой, скорее, совокупность нормативно-правовых блоков, чем систему, так как «система – это определенная совокупность элементов, находящихся в определенной взаимосвязи, которая придает данной совокупности целостный характер»³. Данное состояние глобального права дало повод М. Н. Марченко сделать вывод о том, что «система источников права на международном уровне... имеет, по сравнению с общей системой источников форм национального права и ее подсистемами, скорее предположительный, виртуальный, нежели реальный характер»⁴. Полагаем возможным согласиться с данным утверждением, но с поправкой, что это состояние временное. Если мы внимательно посмотрим на историю формирования внутригосударственных правовых систем, то заметим, что и в них системность источников не всегда имела место, например право Российской империи во второй половине XIX в. При явно просматривающейся «закономерности ускорения темпов

¹ Богатырёв В. В. Глобальное право как закономерный этап правового развития // Вестн. Иван. гос. энергет. ун-та. Прил.: Актуальные проблемы экономического и социально-гуманитарного знания. Иваново, 2006. С. 50–53.

² Там же. С. 51.

³ Кедров В. М. Принцип историзма в его приложении к системному анализу развития науки // Систем. исслед. Ежегодник 1974. М., 1974. С. 5.

⁴ Марченко М. Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2006. С. 107.

исторического прогресса»¹ можно сделать вывод, что совокупность источников в глобальном праве качественно перейдет в системность значительно быстрее, чем во многих национальных правовых системах. К тому же даже сегодня в одной из старейших правовых систем мира – английской имеют место «стихийность и необозримость правового массива, отсутствие рациональных начал и строгой логики в его построении»². Это не мешает английскому праву занимать доминирующее место в системе общего права и быть моделью для многих других стран³.

Вместе с тем следует отметить, что глобальное право в настоящее время только формируется, но в современном международном праве имеют место ряд отраслей, которые уже сейчас смело можно отнести к праву глобальному. Среди них: основные принципы международного права; права и свободы человека; международное уголовное право; международное экономическое право и т. д. В связи с этим возникает вопрос о том, где грань, отделяющая современное международное право от глобального права. На наш взгляд, разделение проходит прежде всего по субъектам правоотношений, а также по субъектно-территориальной сфере действия нормативных правовых актов. Субъектами глобального права являются физические лица, международное гражданское общество, представленное международными неправительственными организациями, а также государствами и

созданными ими международными межправительственными организациями. К глобальным нормам можно отнести все универсальные международные договоры. К тому же современное международное право по своей сущности остается межгосударственным правом, куда, в частности, не допускаются многочисленные международные неправительственные организации, возрастающая роль которых явно прослеживается в глобальных правовых отношениях. При этом в рамках глобального права явно просматриваются контуры глобального конституционного права, которые очерчены рядом источников, действующих в современном международном праве. Основанием для их выделения в специальную отрасль является их системообразующее понятие – «конституционализм».

О конституционализме упоминают почти все специалисты в сфере конституционного права, при этом существует большое количество точек зрения о его природе, структуре и месте в правовой системе России. Часто в понятие «конституционализм» вкладывают различное содержание, и это вызывает определенные трудности⁴.

Мы под конституционализмом понимаем определенное демократическое политико-правовое качество государственно-правовой сферы общества и его особое состояние, при котором в общественной системе главенствующее положение занимает личность, а государство обеспечивает и защищает его интересы.

¹ Яковец Ю. В. История цивилизаций : учеб. пособие для студентов вузов гуманитар. профиля. М., 1997. С. 35.

² Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник. М., 2007. С. 342.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 207.

⁴ Богатырёв В. В. Конституционализм // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. Владимир, 2001. Вып. 2. С. 61.

Сегодня в различных правовых системах сложился свой особый национальный конституционализм – французский, английский, бразильский, и, разумеется, идет формирование российского. При этом нужно отметить, что все национальные разновидности конституционализма имеют общие принципы, но смысловую нагрузку они несут не одинаковую, их существенные характеристики отражают национальный менталитет, исторически сложившиеся отношения и особое взаимодействие личности и государства. При всем многообразии подходов наличие общих принципов дает основание говорить о формировании глобального конституционализма, или, как его еще называют, о формировании глобального конституционного стандарта¹, под которым понимаются нормы, считающиеся правильными с принципиальной и практической точек зрения².

Как указывает известный российский теоретик права В. Н. Карташов, термин «принцип» (от лат. *principium*) означает буквально основу, первоначало, руководящую идею, исходное положение какого-либо явления (учения, организации, деятельности и т. д.)³.

При этом, на наш взгляд, необходимо соотнести два понятия «правовые принципы» и «принципы права». Мы считаем, что под правовыми принципами следует понимать основы и руководящие идеи, начала общественной деятельности, которые

закрепляются в основах права. Именно эти принципы Л. Д. Явич, С. С. Алексеев в своих классификациях правовых принципов называют общесоциальными⁴, они общие для всей правовой системы. Как правило, правовые принципы закрепляются в национальных правовых системах, в основных законах государства (конституциях). Например, в Конституции Российской Федерации 1993 г. закрепляются принципы: демократии, разделения властей, верховенства федеральной Конституции, социальность государства и т. д. (гл. 1). Принципы права представляют собой совокупность идеи и начал, закрепленных в системе права, т. е. в отраслях: уголовном праве, административном, гражданском и других институтах.

При этом важно отметить, что понятия «правовые принципы» и «принцип права» являются основными, фундаментальными, а «принципы международного права» и «международно-правовые принципы» – производными, отражающими особенность данных общественных отношений и соотносящихся между собой так же, как и их основы.

В соответствии с целями нашего исследования мы рассмотрим понятие «международно-правовые принципы», так как оно отражает особенность данного уровня правовых отношений. При этом обращаем внимание на то, что понятия «международно-

¹ *Пряхина Т. М.* Стратегия устойчивого развития: конституционные проблемы // Закон и право. 2004. № 4. С. 3.

² Ст. 1–3 «Предварительных замечаний» Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. в Женеве.

³ *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 101.

⁴ *Карташов В. Н.* Принципы права (некоторые аспекты понимания и классификации) // Юрид. зап. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова / под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, В. В. Бутнева. Ярославль, 1999. Вып. 3.

правовые принципы» и «глобальные принципы права» мы отождествляем. И по данному вопросу имеется несколько точек зрения. Согласно одной точке зрения под международно-правовыми принципами понимаются «руководящие правила поведения субъектов, возникающие как результат общественной практики, юридически закрепленные начала международного права»¹. Они являют собой наиболее общее выражение установившейся практики международных отношений.

Представители второго подхода считают, что «международно-правовые принципы – это исторически обусловленные основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей, императивной юридической силой»².

Взяв за основу все эти подходы, мы предлагаем собственное определение данного явления: международно-правовые принципы – это основополагающие, универсальные и общепринятые правила поведения субъектов международного права. Правовые принципы в национальных и международной правовых системах объединены в единое целое и составляют ядро нормативного регулирования.

Рассматривая приведенные нами признаки, можно отметить, что в любой нормативной системе правовые принципы, являясь основополагающими нормами, закрепляют основные идеи во все нормативное регулирование, создавая тем самым модель предполагаемого регулирования общественных отношений. То есть правовые принципы играют ту же роль, что и электроны в

структуре любого вещества. Не исключением являются и международно-правовые принципы. Мы можем утверждать, что они являются категориями универсального действия. Это означает, что данная совокупность правил поведения обязательна не только для всех субъектов международного права, но и, во-первых, применима ко всем видам правоотношений, возникающим в международной области как традиционным (договорные, по урегулированию споров, пользованию пространством Мирового океана и т. д.), так и новых (космическое право, экологическое право и т. д.). Во-вторых, они регулируют деятельность участников международных отношений в любых пространственных сферах независимо от географического местонахождения и их юридического статуса (государственные территории, территории, подпадающие под действие международного или смешанного режима). В-третьих, действуют без ограничения временными рамками – в отступление от общего правила имеют обратную силу. При этом универсальность международно-правовых принципов предусматривает их непреложное соблюдение, поскольку любое их нарушение будет с неизбежностью затрагивать законные интересы других участников международных отношений.

Таким образом, международно-правовые принципы являются своеобразным критерием законности всей системы международно-правовых норм, а действие принципов распространяется даже на те области отношений субъектов, которые по каким-либо причинам не урегулированы конкретными нормами, что показывает их возможность превентивного

¹ Международное публичное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. А. Бекяшева. М., 2003. С. 58.

² Курс международного права. М., 1989. Т. 2. С. 5.

регулирования общественных отношений. Однако при этом исчерпывающего перечня всех норм-принципов, обладающих подобным императивным характером, в международном праве не дается. По мнению И. Н. Барцица, и мы с ним солидарны, к ним, бесспорно, следует отнести лишь приведенные в Уставе ООН и в Декларации о принципах международного права основные принципы международного права¹.

Рассматривая особенность глобальных международно-правовых принципов в международной нормативной системе, возникает вопрос об их иерархии как внутри их самих, так и вкуче с региональными международно-правовыми принципами и с правовыми принципами внутригосударственных правовых систем.

Данный вопрос стал актуален с момента появления системы международно-правовых принципов, которое связано с принятием Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г., где были сформулированы семь глобальных международно-правовых принципов². При этом нужно отметить, что внутри системы международно-правовых принципов глобального характера иерархии нет и быть не может, так как они создают единое правовое поле всей глобальной международной системы, и наличие каждого принципа придает особое качество международно-правового пространства.

Проблемы начинаются при имплементации принципов права различных уровней – глобального и регионального. Сегодня региональный международно-правовой уровень представлен совокупностью международно-правовых принципов, принятых региональными универсальными организациями, такими как Африканский союз, Европейский союз, Организация американских государств и т. д. Главной проблемой, в частности для Европы, стало соотношение принципов, закрепленных в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. и Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Дело в том, что три принципа, закрепленные в этих актах, вступают друг с другом в противоречие, а это не только не способствует осуществлению единой правовой политики в регионе, но еще и создает ситуации, которые перерастают в споры, а нередко заканчиваются конфликтами. Данное заключение касается принципов равноправия и самоопределения народов³; нерушимости границ; территориальной целостности государств⁴. Конфликт между данными принципами позволяет осуществлять политику двойных стандартов в международной деятельности. Особенно ярко это проявилось в ситуации, когда решался вопрос о признании государственного суверенитета трех возникших государ-

¹ Барциц И. Н. Международное право и правовая система России // Журн. рос. права. 2001. № 2. С. 63.

² Действующее международное право. В 3 т. Т. 1 / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 1999.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 75.

ственно-подобных территорий: Косово, Южная Осетия и Абхазия. При решении вопроса о признании Косова самостоятельным государством западные страны использовали принцип равноправия и самоопределения народов, но при возникновении подобного же вопроса в отношении Южной Осетии и Абхазии им было отказано в признании в соответствии с принципом Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – нерушимость границ, территориальной целостности государств. Данный пример – свидетельство того, что отсутствие иерархии в международно-правовых принципах дестабилизирует международные отношения, ведет к конфликтам. То есть в современном международном праве имеется довольно большое количество проблем, разрешение которых жизненно необходимо. Центральной проблемой являются создание иерархии международно-правовых принципов и ликвидация противоречий в международной нормативной системе.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что значение принципов, обладающих качеством конституционных, в системе норм международного права постоянно возрастает как в международной практике, так и в практике отдельных государств. Изначально именно нормы-принципы имели качество глобальных, и именно

они являются сердцевиной формирующегося глобального конституционализма. Глобальные нормы-принципы, определяя основы взаимодействия государств, сохраняют стабильность глобальной международной системы и обеспечивают ее преемственность. При реформировании международно-правовых отношений происходит не замена одних принципов другими, а их дополнение новыми, развивающими их содержание. Системообразующие глобальные права нормы-принципы содержатся в наиболее авторитетных универсальных актах, коими являются Устав ООН 1945 г.,¹ и принятая Генеральной Ассамблеей в развитие его положений Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. При этом уже сейчас мировое сообщество нуждается в дополнении их новыми нормами-принципами, которые позволят адекватно противостоять глобальным проблемам современности, и созданию в системе принципов общепризнанной иерархии для исключения возможности применения двойных стандартов в глобальной социальной системе.

Библиографический список

1. Барциц И. Н. Международное право и правовая система России / И. Н. Барциц // Журн. рос. права. – 2001. – № 2. – С. 61–71.
2. Богатырёв В. В. Глобальное право как закономерный этап правового развития / В. В. Богатырёв // Вестн. Иван. гос. энергет. ун-та. Прил.: Актуальные проблемы экономического и социально-гуманитарного знания. – Иваново : Изд-во ИГЭУ, 2006. – С. 50–53.
3. Богатырёв В. В. Конституционализм / В. В. Богатырёв // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. науч. тр. – Владимир : ВГПУ, 2001. – Вып. 2.

¹ Международное право в документах. М., 1982.

4. *Грохальски С. М.* Понятие глобальной проблемы и ее значение для международного права / С. М. Грохальски // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. – 1999. – №1. – С. 61–73.
5. *Карташов В. Н.* Принципы права (некоторые аспекты понимания и классификации) / В. Н. Карташов // Юрид. зап. Яросл. гос. ун-та им. П. Г. Демидова / под ред. В. Н. Карташова, Л. Л. Кругликова, В. В. Бутнева. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – Вып. 3. – С. 3–19.
6. *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие. В 2 т. Т. 1 / В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – 554 с.
7. *Кедров В. М.* Принцип историзма в его приложении к системному анализу развития науки / В. М. Кедров // Сист. исслед. Ежегодник 1974. – М., 1974. – С. 5–6.
8. *Лазарев В. В.* Поиск права / В. В. Лазарев // Журн. рос. права. – 2004. – № 7. – С. 3–14.
9. *Марченко М. Н.* Источники права : учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М. : Проспект : ТК Велби, 2006. – 760 с.
10. *Пряхина Т. М.* Стратегия устойчивого развития: конституционные проблемы / Т. М. Пряхина // Закон и право. – 2004. – № 4. – С. 3–6.
11. *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А. Х. Саидов. – М. : Юрист, 2003. – 448 с.
12. *Яковец Ю. В.* История цивилизаций : учеб. пособие для студентов вузов гуманитар. профиля / Ю. В. Яковец. – М. : Владос, 1997. – 352 с.

References

1. *Barcicz I. N.* International Law and the Legal System of Russia. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2001. No. 2. P. 61–71.
2. *Bogaty'ryov V. V.* Global Rights as a Natural Stage of Legal Development. *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo E'nergeticheskogo Universiteta*. Appendix: Actual Problems of Socio-economic and humanities. Ivanovo, IGE'U, 2006. P. 50–53.
3. *Bogaty'ryov V. V.* Constitutionalism. *Actual Problems of Jurisprudence*. Vladimir, VGPU, 2001. Vol. 2.
4. *Grokhalski S. M.* The Notion of a Global Problem and Its Significance for International Law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. 1999. No. 1. P. 61–73.
5. *Kartashov V. N.* Principles of Law (Some Aspects of Understanding and Classification). *Yuridicheskie Zapiski Yaroslavskego Gosudarstvennogo Universiteta*. Ed. by V. N. Kartashov, L. L. Kruglikova, V. V. Butneva. Yaroslavl', 1999. Vol. 3. P. 3–19.
6. *Kartashov V. N.* The Theory of Legal System. In 2 vol. Vol. 1. Yaroslavl', 2006. 554 p.
7. *Kedrov V. M.* The Principle of Historicism in Its Application to the Systematic Analysis of the Development of Science. *Sistemny'e Issledovaniya*. M., 1974. C. 5–6.
8. *Lazarev V. V.* Search Rules. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2004. No. 7. P. 3–14.
9. *Marchenko M. N.* Sources of Law. M., Prospekt, TK Velbi, 2006. 760 p.
10. *Pryakhina T. M.* Sustainable Development Strategy: Constitutional Problems. *Zakon i Pravo*. 2004. No. 4. P. 3–6.
11. *Saidov A. Kh.* Comparative Law (the Principal Legal Systems of Today). M., Yurist, 2003. 448 p.
12. *Yakovets Yu. V.* History of Civilizations. M., Vlados, 1997. 352 p.

И. Д. Борисова

ВОПРОС О КОМПЕТЕНТНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧИНОВНИКА В КОНЦЕПЦИИ М. М. СПЕРАНСКОГО

Аннотация. В статье анализируется факт введения образовательного ценза для замещения государственных должностей в Российской империи начала XIX в. Автор данного предложения М. М. Сперанский видел прямую зависимость эффективности государственного управления от уровня образованности и компетентности чиновничьего аппарата.

Ключевые слова: экзамен на замещение должности, М. М. Сперанский, Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», коллежский асессор, университет.

I. D. Borisova

QUESTION OF COMPETENCE OF THE GOVERNMENT OFFICIAL OF THE CONCEPT M. M. SPERANSKY

Abstract. In article the fact of introduction of the educational qualification for replacement of the state positions in the Russian Empire at the beginning of the XIX century is analyzed. The author of this offer M. M. Speransky saw direct dependence of efficiency of public administration on the level of education and competence of bureaucracy.

Key words: examination on replacement of a position, M. M. Speransky, the Decree «About Rules of Production in Ranks on Civil Service and Tests in Sciences for Production in Collegiate Assessor and Councillors of State», a collegiate assessor, university.

На всем протяжении существования государственности в целом и российской, в частности, вопрос «кто должен или может управлять?» был и остается актуальным для властных структур. На ранних этапах развития государств за основу подбора аппарата управленцев власть брала признаки силы, состоятельности, богатства или родовитости представителей социума. По мере развития общественных отношений изменяются и критерии подбора должностных лиц. В России первой

попыткой поставить в основу назначения на государственные должности принцип выслуги можно считать издание Указа об отмене местничества в конце XVII в., которая была продолжена в законодательстве Петра Великого Табелью о рангах 1722 г.

Начало XIX в. в российской истории отмечено проведением серии реформ, призванных усовершенствовать государственный строй. В основу этих преобразований был положен план М. М. Сперанского (в то время министра внутренних дел), изложенного в

серии политических записок 1802–1804 гг.: «О коренных законах государства», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общественного мнения», «Еще нечто о свободе и рабстве», «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и т. д. Вместе с тем М. М. Сперанский хорошо понимал, что достигнуть рационального управления в стране невозможно без совершенствования кадрового состава российского чиновничества всех уровней. Он писал: «...в России и теперь на сцене... есть люди с обширными познаниями; но, первое, их познания суть больше произведение опыта, нежели систематического размышления; второе, их лета и состояние, а особливо предрассудки класса, к коему они принадлежат и коего духом они напоены, делают их неспособными к непосредственной работе»¹. Таким образом, как справедливо отметил профессор С. В. Кодан, власть осознавала важность повышения образовательного уровня и специальной подготовки чиновничества. Образование в политике верховной власти выступало многоканальным инструментом воздействия на социальную среду и выполняло ряд государственных управленческих функций. Оно помогало готовить поданных к интеллектуальной деятельности в различных сферах общества, включению их в государственную деятельность; в качестве государственных служащих выступали ученые, учителя, врачи, инженеры и сама бюрократия².

В этой связи видится вполне естественным, что 6 августа 1809 г. был издан Именной указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники»³. В преамбуле указа содержался запрет по истечении 5 лет после устройства в каждой губернии системы училищ занимать гражданские должности, требующие юридических и иных познаний, лицам, не обучавшимся в общественном или частном учебном заведении. Целью законодателя было установить правило назначения и продвижения на гражданской службе не по принципу выслуги и родовитости происхождения, а в зависимости от образовательного уровня претендентов. Необходимость этой нормы М. М. Сперанский обосновал в одной из своих юридических записок, где указывал на потребность наличия широких академических знаний государственного чиновника⁴.

В постановляющей части указа говорилось следующее: непременно условием производства в чин коллежского асессора, наряду с выслугой и одобрением начальства, стало обучение в одном из университетов Российской империи или сдача там специального экзамена; для производства в статские советники необходимо было наличие десятилетней выслуги «с ревностью и усердием», не менее чем двухгодичное пребывание в одной из

¹ Сперанский М. М. Отрывок о Комиссии Уложения // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / отв. ред. И. Д. Осипов. СПб., 2002. С. 223.

² Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 275.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 30, № 23771.

⁴ Сперанский М. М. Об усовершенствовании общего народного воспитания // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 329–330.

поименованных должностей (советника, прокурора, правителя канцелярии или начальника определенной штатом экспедиции), одобрение начальства, успешное обучение в университете или сдача соответствующего экзамена, подтвержденные аттестатом. Таким образом, введение образовательного ценза для гражданских чиновников, претендовавших на производство в более высокие классные чины, стало основной новеллой указа от 6 августа 1809 г.¹

В приложении к указу от 6 августа 1809 г. был изложен подробный порядок проведения экзамена в университетах для лиц, претендующих на соответствующие классные чины по гражданской службе: устанавливались перечень обязательных предметов испытания, форма сдачи экзамена, определялся особый комитет по приему экзамена, вводился специальный документ, удостоверяющий сдачу экзамена.

Экзамен носил комплексный характер, так как экзаменуемые должны были показать свои знания в области наук словесных, правоведения, исторических наук, наук математических и физических². Во время экзамена необходимо было написать сочинение на заданную тему и сделать перевод; по математическим наукам требовалось «сделать на доске выкладку» или разрешить несколько заданных проблем с доказательствами; по остальным предметам испытания можно было выбрать устную или письменную форму ответа,

без права выхода из аудитории («залы испытания»)³.

Экзамен должны были принимать особые комитеты, создаваемые в каждом российском университете. В состав такого комитета входили ректор и три профессора. Таким образом, оценка компетентности экзаменуемых не должна была зависеть от предпочтений руководителей гражданской службы.

Тому, кто успешно прошел испытания, правление университета выдавало аттестат установленного образца, который в свою очередь представлялся начальству соответствующей службы для возможного продвижения претендента на чин. Тем, кто не справился с экзаменом, выдавался отказ, а его имя вносилось в специальный журнал университетского комитета.

Восприятие данного указа в русской бюрократической среде было негативным: «Столь крутая мера вызвала и в целом, и в деталях неблагоприятный отклик современников»⁴. Достаточно быстро «сверху» обнаружили, что исполнение указа от 6 августа 1809 г. вызвало большие трудности. Предоставление разрешений не соблюдать предписанный указом порядок применительно к отдельным категориям чиновников и целым ведомствам приняло в результате столь широкий характер, что уже через 3 года после издания акта соблюдение требований указа можно было считать исключением⁵.

¹ Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. «Все части государственного служения требуют сведущих исполнителей...»: к 200-летию Указа об экзаменах на гражданские чины // Рос. юрид. журн. 2009. № 6. С. 180.

² Сперанский М. М. Юридические произведения / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. С. 70.

³ Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. Указ. соч. С. 181.

⁴ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 2001. С. 114.

⁵ Баженова Т. М., Зипунникова Н. Н. Указ. соч. С. 182 ; Шепелев Л. Е. Указ. соч. С. 115.

Несмотря на то, что указ от 6 августа 1809 г. действовал до 28 ноября 1834 г., в целом он не возымел большого практического значения с

точки зрения повышения уровня образованности и компетентности российского чиновного аппарата.

Библиографический список

1. *Баженова Т. М.* «Все части государственного служения требуют сведущих исполнителей...»: к 200-летию Указа об экзаменах на гражданские чины / Т. М. Баженова, Н. Н. Зипунникова // Рос. юрид. журн. – 2009. – № 6. – С. 178–184.
2. *Кодан С. В.* Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты / С. В. Кодан. Екатеринбург : УрГЮА, 2005.
3. *Сперанский М. М.* Юридические произведения / М. М. Сперанский ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – 480 с.
4. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. / Л. Е. Шепелев. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – 477 с.

References

1. *Bazhenova T. M., Zipunnikova N. N.* «All Parts of the State Service Demand Expert Performers...»: to the 200 Anniversary of the Decree on Examinations on Civil Ranks. *Rossiiskij Yuridicheskij Zhurnal*. 2009. No. 6. P. 178–184.
2. *Kodan S. V.* Legal Policy of the Russian State in the 1800–1850th: Figures, Ideas, Institutes. Yekaterinburg, UrGYuA, 2005.
3. *Speranskij M. M.* Legal Works. Ed. by V. A. Tomsinov. M., Zercalo, 2008. 480 p.
4. *Shepelev L. E.* High-ranking World of Russia. XVIII – the Beginning of the XX Century. SPb., Iskusstvo-SPb, 2001. 477 p.

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА)**

Аннотация. В статье анализируются вопросы метода и методологии, применяемые при осуществлении научного познания, в частности, формы государства. Рассматриваются этапность применения отдельных методов, их взаимосвязь в процессе познания.

Ключевые слова: методология, метод научного исследования, методы анализа и синтеза, метод абстракции, форма государства.

**APPLICATION OF METHODS OF RESEARCH
(FOR EXAMPLE FORMS OF GOVERNMENT)**

Abstract. This article discusses the issues of method and methodology used in the implementation of scientific knowledge, in particular, forms of the state. Discusses the stages of application of individual methods, their relationship with each other in the learning process.

Key words: methodology, the method of research, methods of analysis and synthesis, the method of abstraction, the form of the state.

Юридическая наука, как любая другая, не стоит на месте. Она непрерывно развивается и совершенствуется. В настоящее время осуществляется большое количество различных правовых исследований. Но при этом методология проводимого исследования часто не получает должного освещения. Известно, что результаты научного изыскания зависят не только от того, кто познает (субъективный фактор) и что познается (объект исследования, его сложность), но и от системы применяемых методов. Знание методов и умение их правильно применять ведут к получению максимально полных и всесторонних знаний об объекте познания.

Под методологией наиболее часто понимают учение о методах, средствах и способах познания. То есть методология представляет собой совокупность методов, целью применения которых является получение знаний. Знания получаются человеком в процессе обыденного и научного познания. Обыденное, житейское познание построено на здравом смысле и направлено на изучение окружающего человека мира. Такое познание также основано на применении ряда методов, однако методы эти специально не вырабатываются и, как правило, не представляют собой системы.

Научное познание отличается от обыденного тем, что носит целенаправленный характер, т. е. направлено

на выработку новых системных знаний о явлениях окружающего мира и использует при этом определенные методы. Совокупность таких методов представляет собой методологию научного исследования. А. Я. Баскаков и Н. В. Туленков указывают, что методология научного исследования анализирует главным образом те методы и средства познания, которые используются учеными как на эмпирической, так и на теоретической стадии научного исследования¹. Методология как наука направлена на исследование методов, применяемых в научном познании, приведение их в систему.

Единого подхода к понятию «метод» среди ученых не существует. Метод научного исследования – это отдельно взятый прием, способ, при помощи которого возможно получение нового знания об объектах реальной действительности. При научном исследовании практически не возникает ситуаций, когда применяется отдельный метод исследования. Обычно методы применяются в совокупности, взаимно дополняя друг друга. Иногда под методом понимают совокупность правил и приемов практического или познавательного освоения действительности. Нельзя признать этот подход совсем неверным. Очень часто метод содержит не одно действие, а несколько, в совокупности образующих один метод. Например, макросравнение предполагает сравнение крупных систем, соотнесение их свойств и признаков. Естественно, для того чтобы такое сравнение провести, требуется использовать некоторое количество познавательных действий.

Метод сам по себе, в его теоретическом изложении, не способствует приращению научных знаний. Только его практическое применение, использование в познавательном процессе ведет к получению определенного результата.

Применение отдельных методов мы рассмотрим на примере формы государства.

Форма государства – это внутреннее устройство государства, включающее его территориальную организацию, способы образования и взаимодействия органов государства, методы осуществления государственной власти. Форма государства является понятием комплексным, состоящим из трех элементов: формы правления, формы государственного устройства и политического режима.

Понятие формы государства и составляющих ее элементов носит догматический характер в теории государства. То есть это понятие относится к общепринятым и интерпретируется одинаково всеми учеными. Догматический метод в праве составляют изолирующая абстракция, абстракция отождествления и абстракция идеи². Форма государства является понятием, образованным при помощи абстракции отождествления. Иными словами, она сформирована на основе установления и фиксации общих признаков явления. При этом утверждать, что данные признаки носят полный характер, невозможно. Сформированность понятия и невозможность «добавления» новых признаков ведут к тому, что в рамках сложных явлений, к которым относится и форма государства, возникает

¹ Баскаков А. Я., Туленков Н. В. Методология научного исследования. Киев, 2014. С. 14.

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000. С. 439.

ряд исключений, признаки которых не вписываются в систему уже имеющих. В отношении категории «форма государства» таким исключением, например, будет понятие «нетрадиционные формы правления», к которым относят формы правления в ОАЭ и Малайзии.

Понятие формы государства является сложной категорией. Для того чтобы изучить форму государства в целом, необходимо мысленно разделить ее на части и изучить каждую из частей, т. е., провести ее анализ. Анализ есть мысленное разложение объекта на составляющие с целью выявить признаки каждой из них и проанализировать ее. Применяя анализ к форме государства, мы разделяем ее на три элемента с целью изучения каждого из них. Парным методом анализа является метод синтеза – объединение частей в единое целое. Таким образом, мы получаем общее знание о форме конкретного государства. Методы анализа и синтеза относятся к группе логических методов исследования. Анализ и синтез основаны на взаимосвязи целого и части, показывают связи между ними.

Метод анализа часто называют основой исследования, так как с его применения начинается познание сложных систем. Однако, как справедливо указывает Д. А. Керимов, «при анализе и синтезе лишь на первом этапе происходит расчленение целого на части и их последующее объединение. Вслед за этим наступает второй, более сложный этап, когда расчленяются уже не части как таковые, а те их стороны, которые характеризуют противоположности целого»¹. Таким образом, анализ

и синтез применяются на всех этапах научного исследования. Если обратиться к исследованию формы государства, то первичный анализ, как уже было сказано, заключается в разделении ее на три составляющих элемента. На следующем этапе познается каждый из элементов. Например, выявляются элементы политического режима, устанавливаются основания выделения их видов. При изучении отдельных элементов политического режима мы используем изолирующую абстракцию, т. е. выделяем его определенные свойства «при отвлечении, абстрагировании ото всех иных их свойств и отношений и обозначении выделенного свойства определенным термином»². Изолирующая абстракция позволяет нам познать отдельные качества политических режимов в отрыве от иных его проявлений. Это дает возможность углубленно изучить те или иные его стороны и в конечном итоге составить наиболее полную картину явления.

При познании явления от частного к общему сначала будет применяться изолирующая абстракция – для установки и фиксации общих признаков, а потом – абстракция отождествления, с помощью которой образуются понятия.

Второй этап познания позволяет также дать ответ на вопрос о значении элемента для познания единого целого. «Именно благодаря второму этапу оказывается возможным обнаружить причины и тенденции развития целого»³. При исследовании политического режима как элемента формы государства становится возможным проследить причины изменений, происходящих с целым, установить направления его

¹ Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. С. 217.

² Сырых В. М. Указ. соч. С. 439.

³ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 217.

развития. Например, если политический режим меняется от демократического к авторитарному и далее – к тоталитарному, то форма государственного устройства утратит черты федерации и приобретет черты унитарного государства. Следовательно, изменится и форма государства в целом. Анализ как метод применяется и на втором этапе исследования. Кроме анализа, на этой стадии могут быть применены такие методы, как описание, аналогия, сравнение и др. Заключительным этапом при изучении формы государства будет метод синтеза – соединения всех изученных частей в единое целое.

По мнению Д. А. Керимова, «познание части вовсе не означает познание целого. При исследовании отдельного правового явления следует всегда находить его место как части целого, поскольку оно не может существовать и функционировать вне целостного правового образования, в состав которого оно входит и которым в той или иной степени определяется»¹. Форма государства также является частью всей системы государства, определяющей его функционирование и развитие. В связи с этим познание формы государства должно происходить в системе познания целого, т. е. всей государственно-правовой системы.

Библиографический список

1. *Баскаков А. Я.* Методология научного исследования / А. Я. Баскаков, Н. В. Туленков. – Киев : МАУП, 2014. – 215 с.
2. *Керимов Д. А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – М. : Изд-во СГУ, 2008. – 521 с.
3. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. В 2 т. Т. 1. Элементный состав / В. М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2000. – 528 с.

References

1. *Baskakov A.Y., Tulenrov N. V.* Research Methodology. – Kiev, MAUP, 2014. 215 p.
2. *Kerimov D. A.* Methodology Right: the Subject, Function, Issues of Legal Philosophy. M., 2008. 521 p.
3. *Sy'ry'kh V. M.* Logical Foundation of the General Theory of Law. In 2 vol. Vol. 1. Elemental Composition . M., Yustitcinform, 2000. 528 p.

¹ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 222.

**КАТЕГОРИЯ «МЕРА» В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и значения правовых категорий в научном познании, места категории «мера» в отечественной теории права, а также отдельных аспектов формирования и изменения самого термина «мера» применительно к юридической действительности.

Ключевые слова: правовые категории, мера, правовое регулирование, реализация права, методология права.

M. V. Novikov

**CATEGORY «MEASURE» IN THE LEGAL REGULATION
OF SOCIAL RELATIONS: SOME ASPECTS OF THE STUDY
AND IMPLEMENTATION**

Abstract. The article considers the role and importance of the legal categories in scientific knowledge, the place of action category in the domestic theory of law, as well as certain aspects of the formation and change of the term «measure», in relation to the validity.

Key words: legal category, measure, legal regulation, implementation of the law, the right methodology.

Исследование понятийно-категориального аппарата теории права, его сущности и предназначения представляется невозможным посредством лишь собственно-юридических методов, ведь любая наука, формулируя понятия, призванные способствовать постижению предмета исследования, формирует его специфическую логику. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением профессора М. С. Строговича о том, что «...трактовать научные юридические понятия надо так, как марксизм трактует вообще научные понятия, т. е. как такую логическую форму, которая вы-

ражает наиболее существенное и важное в определенном круге предметов и явлений действительности, отражает закономерности определенной области реального мира»¹.

Высокий уровень развития теории права, разнообразие составляющих ее элементов предопределяют насыщенность ее понятийно-категориального аппарата, предназначенного для понимания, с одной стороны, и дальнейшего исследования, с другой, всего многообразия правовой сферы жизни общества.

В процессе исследования трансформации роли и места научных тер-

минов, категорий, понятий в ходе познания становится очевидным, что в период доминирования марксистско-ленинской теории государства и права в отечественной правовой науке в значительной степени отвергалось или, в крайнем случае, ставилось под сомнение наличие возможности выражать сущность, признаки и какие-либо закономерности явлений государственно-правовой действительности посредством юридических понятий и категорий. В частности, в курсе «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» отмечалось, что «...посредством общих понятий нельзя отобразить внутренней закономерности развития государственно-правовых явлений, нельзя вскрыть их роль и значение в данной конкретной общественной формации... Попытка придать этим общим понятиям большее значение, чем они в действительности имеют, ведет как в юридической науке, так и в любой отрасли общественного знания к подмене конкретно-исторической трактовки вопроса поверхностными рассуждениями, которые не позволяют вскрыть действительно общественно-политический смысл рассматриваемых явлений»¹.

В связи с этим принципиальным представляется вопрос о значении терминов, понятий и категорий для теории права. Значение категорий как основополагающей единицы терминологического аппарата научных исследований состоит в том, что они предоставляют возможность анализировать развитие и содержание предмета исследования. Рассмотрение правовых категорий как основы понятийного ап-

парата теории права позволяет отметить, что категории, в отличие от правовых норм, отражают процессы правовой действительности в достаточной степени опосредованно, исходя из критериев, положенных в основу формирования той или иной правовой категории, учитываемых ей признаков явлений и их взаимосвязей. Однако именно совокупность принятых конкретной наукой категорий и составляет ее основу, определяет систему и дальнейшее развитие знаний в данной сфере. В связи с этим мы солидарны с мнением профессора В. О. Тененбаума о том, что «...к системе категорий данной науки относятся лишь те категории, которые максимально обобщают особенное, специфическое в объекте данной науки»².

При этом специфика теории права по отношению к иным юридическим наукам выражается именно в том, что она формулирует основные базовые понятия юриспруденции – категории, которые, являясь выражением наиболее значимых свойств, системных и структурных взаимосвязей явлений правовой действительности, выступают наиболее объемными по содержанию понятиями в рамках юриспруденции, создавая тем самым качественную определенность юридического научного мышления и в целом правовой науки.

Смысл детального изучения правовых категорий, по нашему мнению, заключается в том, чтобы определить, каким образом и в какой степени общепризнанная совокупность правовых категорий и установленные между ними системные и структурные взаи-

¹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. С. 126–127.

² Тененбаум В. О. Государство: система категорий. Саратов, 1971. С. 9–10.

мосвязи актуально и эффективно демонстрируют и позволяют познать признаки, взаимосвязи и сущность явлений и отношений правовой действительности, тем самым обеспечивая эффективность методологии юридической науки. Как отмечал А. М. Васильев, «...своеобразие метода теории права состоит именно в том, что в процессе теоретического познания правовой действительности в качестве инструмента познания используются и особые правовые категории. Без них невозможно правовое познание. Они (категории) придают ему своеобразие. Поэтому правовые категории образуют специфическое звено метода познания права»¹. Следовательно, невозможно сформировать целостное представление о праве, не принимая во внимание понятия и категории, выработанные теорией права и отражающие посредством обобщенных представлений и определений реальные взаимосвязи и проявления различных элементов правовой действительности.

В рассматриваемом смысле теория права, служащая средством для познания отраслевых юридических наук, сама является методом, а ее понятийно-категориальный аппарат – средством познания правовой действительности.

Анализируя значение правовых категорий в процессе познания права и его реализации представляется, что они:

- 1) базируются на объективных закономерностях жизни общества;
- 2) дают возможность объективной оценки процессов, происходящих в обществе;

3) являются необходимым для юриспруденции отражением изменений правовой сферы жизни общества;

4) образуют собой основу понимания взаимосвязи различных элементов системы права;

5) способствуют формированию правового сознания;

6) обеспечивают правотворческую, интерпретационную и правореализационную практику необходимой теоретической базой.

Рассматривая меру как правовую категорию, можно представить ее как отражение специфики существующих многообразных правовых явлений, что предопределяет многообразие подходов к ее анализу. Исследуя меру как правовую категорию, мы исходим из того, что предмет познания любой науки находит свое отражение в ее терминологии, характеризующейся постоянным изменением, развитием, расширением границ. Профессор Б. М. Кедров отмечал, что «люди стремятся все более точно и полно отразить в понятиях отображаемый ими объект, но каждый раз делают это лишь в меру достигнутых знаний о нем, в которые нередко вкрадываются неточности»². Соответственно и в теории права конкретные категории необходимо исследовать в изменении и развитии от уже достигнутого уровня знаний к более глубокому. Лишь на этой основе представляется возможным предельно точно воссоздать логику развития и соотношения юридических терминов.

Мера как элемент системы правовых категорий являет собой элемент общей системы представлений о закономерном и существенном в правовой

¹ *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 68.

² *Кедров Б. М.* Характер изменения объема и содержания развивающихся понятий // Анализ развивающегося понятия. М., 1972. С. 359.

сфере жизни общества. В связи с этим необходимо понимать, что эффективное использование конкретной правовой категории зависит от того, насколько верно, адекватно, объективно отражено в ней накопленное знание о правовой действительности.

В связи с тем, что каждая правовая категория представляет собой результат обобщения и абстрагирования, правовые категории концентрируют в себе элементы правовой действительности в свободном от случайных проявлений виде. Именно благодаря этому они позволяют сформулировать объективно необходимое и существенное в праве.

Исходя из понимания категории «мера» как универсального юридического термина, т. е. характеристики всех правовых процессов и явлений, представляется, что каждое юридическое явление может иметь свою меру, выраженную в смещающемся единстве качественных и количественных показателей.

Основываясь на проведенном анализе основных подходов к пониманию сущности и признаков, раскрывающих категорию «мера», применительно к целям проводимого исследования представляется достаточно обоснованным следующее ее определение: мера – это субъективная категория, содержащая границы, в рамках которых количественные изменения не влекут качественных, и служащая масштабом для измерения и оценки явлений окружающей действительности.

Приводимое определение указывает на взаимосвязь категории «мера» с измерением регулирования взаимосвя-

зей людей. Традиционно мера в регулировании общественных отношений отождествляется с нормой, с нормативностью¹. Исходя из анализа меры, подходов к измерению конкретных явлений, представляется возможным констатировать, что измерение выступает процессом установления качественного количества исследуемых объектов. Следовательно, так называемое юридическое измерение возможно определить как процесс и результат определения качественного количества правовых явлений, необходимых для установления, осуществления, изменения и прекращения правоотношений на основе качественных количеств чисел и величин правовых предписаний, обеспечивающих данные правоотношения.

Безусловно, обобщение и абстрагирование требуют не только отвлечения от несуществующих свойств, но и достаточно высокого уровня обобщения, схематичного восприятия исследуемого правового явления или процесса. Только в этом случае и именно благодаря абстрактным понятиям, объединенным логической системой правовой теории, возможно представить правовую действительность во всей ее полноте и конкретности. Ведь применение общих для теории права понятий и абстрактных юридических категорий не равнозначно абстрактному мышлению в принципе.

Правовые категории представляют собой абстрактный познавательный образ явлений и процессов правовой действительности. Они выступают результатом мышления и переработки сознанием правовой реальности. При этом мера как правовая категория, будучи включенной в состав

¹ Гревцов Ю. И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. С. 124–125.

множества нормативных правовых актов, во-первых, превращается в общеобязательные государственные установления, во-вторых, выступает как средство регулирования обществен-

ных отношений, в-третьих, приобретает способность переводить общие абстрактные требования на уровень практических действий участников правового общения.

Библиографический список

1. *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 264 с.
2. *Новиков М. В.* Мера необходимого и допустимого установления правовых ограничений как условие эффективности их реализации / М. В. Новиков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2013. – № 1(26). – С. 114–116.
3. *Тененбаум В. О.* Государство: система категорий / В. О. Тененбаум. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1971. – 212 с.

References

1. *Vasil'ev A. M.* Legal Category: Methodological Aspects of the Development of the Categories of the Theory of Law. M., Yuridicheskaya Literatura, 1976. 264 p.
2. *Novikov M. V.* Measure Necessary and Acceptable to Establish Legal Restrictions as a Condition for the Effectiveness of Their Implementation. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2013. No. 1(26). P. 114–116.
3. *Tenenbaum V. O.* State: the System of Categories. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta, 1971. 212 p.

А. А. Ошмарин

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики формирования и развития правосознания купеческого сословия в России во второй половине XVIII в., в связи с чем анализируются факторы, оказавшие непосредственное влияние на генезис правосознания купцов.

Ключевые слова: правосознание, сословие, купечество, предпринимательство, законодательство, гильдия.

А. А. Oshmarin

SPECIFICS OF FORMATION OF LEGAL AWARENESS OF THE RUSSIAN MERCHANTS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY

Abstract. Article is devoted to the analysis of specifics of formation and development of legal awareness of merchants in Russia in the second half of the XVIII century. In this regard the factors which had direct impact on genesis and development of legal awareness of merchants are analyzed.

Key words: legal awareness, estate, merchants, business, legislation, guild.

Во второй половине XVIII в., в период от городской реформы 1720-х гг. до сословно-податной реформы 1770–1780-х гг., в Российской империи фактически завершился процесс формирования состава, а также закрепления перечня прав, свобод, привилегий и обязанностей гильдейского купечества. После принятия Екатериной II Манифеста 17 марта 1775 г., а затем и Грамоты на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. были четко зафиксированы размеры купеческих капиталов, необходимые для причисления к той или иной гильдии, подушная подать, выплачиваемая «на круг», была заменена гильдейским сбором в казну

в размере 1 % с объявленного капитала¹. В результате этих реформ купечество становилось не только наиболее сильной в экономическом отношении частью торгово-промышленного населения, но и самым привилегированным после дворянства и духовенства сословием.

Однако, говоря о правосознании и правовой культуре купеческого сословия данного хронологического периода, нельзя не отметить его достаточно низкий уровень. Многие историки и правоведы применительно к купечеству даже используют термин «мужик сорокоалтынный». После череды реформ, начатых еще Петром I, а затем продолженных Елизаветой

© Ошмарин А. А., 2015

¹ Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апр. 1785 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Спб., 1830. Т. XXII, № 16187. С. 361.

Петровной и Екатериной II, приблизивших российские города к европейским порядкам и ценностям, подобная ситуация кажется довольно странной. В чем же были причины?

Во-первых, само купеческое сословие было неоднородным, его постоянно пополняли представители других сословий, перемещаясь то вверх, то вниз по социальной и правовой лестнице. Как правило, они приносили в купеческую среду свои традиции и уклады, нормы поведения, которые далеко не всегда были прогрессивными. Многие преследовали свои личные корыстные интересы, пытаясь обогатиться либо повысить свой социальный статус. «Синтетическое» купеческое сословие, сочетавшее в себе в основном представителей мещанской и крестьянской сред, жаждало «если уж не “утереть нос” горделивому дворянству, то хотя бы приблизиться к нему»¹. К концу XIX в. современники так характеризуют эти процессы: «Общее впечатление у нас сложилось такое, что грани между аристократией, интеллигенцией и богатыми, но неродовитыми людьми в описываемый период уже не было. Некоторые аристократы... роднились с семьями богатых просвещенных купцов, банкиров, крупных инженеров, ученых из разночинцев или из духовного звания...»².

Внутренняя организация купечества также не была единой, а предпола-

гала его подразделение на гильдии в зависимости от размеров капиталов. Капиталы объявлялись «по совести», государственные органы не вмешивались и не проверяли действительное финансовое состояние. Однако правительством на законодательном уровне были установлены специальные барьеры:

1. В зависимости от объявленного финансового состояния выплачивался процент в казну (соответственно, чем больше было состояние, тем больше платили). Хотя процент для всех гильдий был установлен одинаковый, для него было характерно постепенное увеличение.

2. Помимо выплаты обязательных платежей, были установлены и различные специальные сборы (например, на водные и сухопутные сообщения, с наследственной массы и др.).

3. С 1807 г. вступать в гильдии могли только русские подданные, запись в них для иностранцев была закрыта³.

4. При записи в гильдии выдавались гильдейские и промысловые свидетельства. Если торговля или занятие промыслом не соответствовали записям, то купцы привлекались к ответственности: сначала к гражданской (уплата штрафа, пени), при рецидиве – к уголовной⁴.

5. Торговать или заниматься промыслом по одному свидетельству мог только определенный законом круг лиц.

6. Купцом именовался и пользовался присвоенными гильдии торговыми правами и личными преимуще-

¹ Богачев М. И. Символика и конструирование идентичности российского купечества в XIX в. // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 13. С. 50.

² Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. СПб., 1991. С. 72.

³ Обзорение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. Репринт. воспр. изд. 1826 г. М., 2006. С. 50.

⁴ Там же. С. 117–118.

ствами только тот член купеческого семейства, на чье имя было выдано свидетельство на право торговли. При этом остальные члены неразделенного семейства, не имея самостоятельного права торговли, пользовались всеми гражданскими правами купцов соответствующей гильдии. Исключение составляли лишь ближайшие родственники (отец и сын, дед и внук, родные братья), открывшие торговый дом и торгующие под одной фирмой — взяв одно свидетельство, они получали право пользоваться всеми правами и преимуществами купца¹.

Во-вторых, сильное влияние на правосознание оказывали традиции, общинный уклад. Купеческие семьи строились на патриархальности, иерархичности и авторитете главы семьи. Глава семьи «пользовался безграничным деспотизмом для подавления протеста со стороны членов семьи. В этой среде господствовал полный произвол, основанный на рутине, освященной веками. Были, конечно, и гуманные родители, но такие оазисы причислялись к редким исключениям»². Этими же чертами можно охарактеризовать и организацию предпринимательской деятельности российскими купцами. Купеческая семья представляла собой уникальное явление, поскольку была своеобразной семейной фирмой. Однако следует обратить внимание и на такой факт. «Купеческий бизнес» был, как

правило, семейным, и многие отношения из сферы семейного права перешли и на корпоративные отношения. В организации торговли участвовали все члены семьи. Патриархальные отношения были господствующими. И такого же отношения купечество ждало со стороны государства, главным образом в лице монарха.

В качестве яркой иллюстрации здесь можно привести пример депутатских наказов, поданных представителями городского населения в Уложенную комиссию. Большинство из них касалось профессиональной деятельности купцов, улучшения правового и социального статуса и т. п. Однако некоторые наказания удивляют своей ограниченностью и невежеством. Поражают следующие депутатские предложения:

1) пусть матушка-императрица издаст указ, чтобы каждый купец вел приходо-расходную книгу, как это делают купцы в Европе³;

2) запретить крестьянам спаивать купцов и «по тому их слабому состоянию» брать подложные векселя за якобы купленные товары⁴;

3) возмещать причиненный купцам физический, материальный и моральный вред по принципу талиона («рана за рану... не исключая дворян»⁵).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что купцы хотели,

¹ Банникова Е. В. Купечество как субъект российского законодательства (первая половина XIX в.) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2006. № 3(45). С. 14.

² Плетнев И. Т. Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии // Наша старина. 1915. № 8.

³ Киприянова Н. В. Попытка диалога власти и общества: депутатские наказания в Уложенную комиссию 1767 г. // Актуальные проблемы современных наук. URL: http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Pravo/32465.doc.htm (дата обращения: 26.06.2014)

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 342. Оп. 1. Д. 96. Ч. 2.

⁵ Там же. Ч. 3.

чтобы вопросы не только законодательного, правового уровня, но и корпоративного, и морального были решены на государственном уровне, и как следствие контроль за их исполнением (точнее, контроль за последствиями действий купцов, совершенных в том числе и в неменяемом состоянии) тоже должно было осуществлять государство.

Таким образом, с одной стороны, государство всеми средствами пыталось способствовать развитию российского купечества, поощряя его государственными заказами, субсидиями, раздачей различных привилегий, защищая таможенными и торговыми тарифами, устанавливая высокие пошлины для иностранцев, позволяя в определенной степени без вмешательства государства регулировать цены на товары и т. п., стремясь создать торговый класс на автономных началах, а с другой, как замечает Г. Ф. Шершеневич, «само купечество оказалось совершенно неспособным к самоуправлению»¹.

Развиваясь в таких комфортных условиях, не ощущая сильной конкуренции, руководствуясь в основном положениями нормативных актов, выработанных государством, российское купечество не сформировало комплекса корпоративных норм, норм обычного торгового права. Государство пыталось посредством нормативного регулирования установить систему общеобязательных требований, предъявляемых к купечеству, закрепить их социально-правовой статус, а также установить меры ответственности за нарушение этих норм. И получалось, что ответственность

устанавливалась нормами государственного, публичного права, а не частного, корпоративного.

В результате не был разработан четко отлаженный механизм разрешения корпоративных споров между предпринимателями. Тогда дело в лучшем случае решалось при вмешательстве государственных органов, в худшем – самоуправством и с применением силы.

Например, конфликт между владельцами двух стекольных «фабрик» в Судогодском уезде Владимирской губернии – купцом С. Вороновым и «дворяншей» М. Мальцовой – произошел из-за того, что Мальцова обнаружилась на заводе Воронова трех бывших своих крепостных, сбежавших некоторое время назад вместе с семьями. Попытка вернуть крестьян закончилась колоссальной дракой, в которой приняли участие около 40 человек – мастеровые, сотские, судебный заседатель и даже священник².

Помимо всего прочего, российское купечество при первом же удобном случае пыталось законодательство обойти. У некоторых, особо хитрых, купцов были разработаны целые системы по уходу от налогового бремени, перепродаже товаров по завышенным ценам, нелегальной перевозке товаров, их хранению и сбыту, транспортировке, обходу таможенных постов и т. д. И это не могло не вызвать противодействующих мер со стороны государства.

Активного стремления к усовершенствованию производства купцы также не проявляли. Это было связано не только с личными предпринимательскими качествами, определенной

¹ Шершеневич Г. Ф. Торговое право. Спб., 1908. Т. 1. С. 49.

² Киприянова Н. В. Особенности правосознания провинциального купечества в XVIII в. // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Шуя, 2004. Вып. IV. С. 62.

инертностью мышления, привычкой действовать «как отцы и деды», но и с нехваткой средств: внедрение новых технологий, закупка машин требовали денег, которых у подавляющей массы купечества не было¹. В условиях начинающегося промышленного переворота и перехода от ручного к машинному производству старые методы производства становились тормозом в развитии производства. В итоге лишь единицы смогли перейти на «капиталистические рельсы».

В-третьих, среди купечества отмечался низкий уровень грамотности. До середины XVIII в. купцы не уделяли особого внимания образованию и торговой науке. В торговом деле приоритетными считались предприимчивость, сноровка, порой даже хитрость. Даже среди представителей первой гильдии немало было тех, кто не умел самостоятельно расписываться. Торговыми бумагами занимались люди из специального штата приказчиков и помощников.

Все это нередко приводило к полному беспорядку в ведении дел и оформлении бумаг (торговых книг, векселей и др.), а впоследствии – и к разорению наследников. По данным, которые приводит М. Д. Чулков, около 150 московских купеческих домов в течение XVIII в. разорились либо обанкротились вследствие «неразумения, от нерадения и от недержания купеческих книг или от незнания генерально-купеческой науки»².

Отсутствие четких правил ведения конторских книг обуславливало ограниченность юридической силы их записей. На протяжении всего XVIII в. записи в купеческих книгах не считались прямым доказательством. Это подтолкнуло правительство к установлению на государственном уровне образцов ведения торговых записей и книг³.

Однако во второй половине XVIII в. ситуация начала постепенно изменяться. Подъем экономики, расширение торгово-экономических связей, развитие отношений с зарубежными партнерами стали подталкивать купцов к осознанию того факта, что необходимо овладеть теоретическими знаниями.

Первоначально детей купцов посылали учиться за границу. После 60-х гг. XVIII в. начали активно решаться вопросы об организации специализированных школ, массово издаваться купеческая литература, появляться домашние библиотеки купцов⁴.

Нельзя не отметить тот факт, что именно во второй половине XVIII в. начала формироваться купеческо-предпринимательская культура. Не кто иной, как купечество «явило миру уникальный феномен – филантропическое предпринимательство»⁵. Одни видят его истоки в христианской этике, которая всячески осуждала жадность личной наживы, другие – в желании получить общественное признание. Но как бы то

¹ Киприянова Н. В. Культура предпринимательской деятельности купечества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2014. № 3–4. С. 38.

² Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Спб., 1781. Т. 1, кн. 1. С. 50–53.

³ Устав о банкротах от 19 дек. 1800 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Спб., 1830. Т. XXVI, № 19692. С. 456–457.

⁴ Козлова Н. В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестн. МГУ. Серия «История». 1989. № 4. С. 43–45.

⁵ Богомолова Е. С. Этнос купца // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 229–230.

ни было, купцы принимали активное участие в развитии меценатства.

Взаимоотношения власти и купцов определяли степень участия купеческих капиталов в социальных программах как всего государства, так и отдельных губерний. Предприниматели принимали активное участие в благоустройстве городов и в помощи горожанам, строительстве культурных памятников, развитии местной инфраструктуры, науки, образования, создании попечительских обществ и т. д.

Таким образом, говоря об отношении купеческого сословия к праву и закону во второй половине XVIII в., нельзя дать ему однозначную оценку. С одной стороны, большинство купцов имели крайне низкий уровень правового сознания, очень часто стремились действовать, не соблюдая правовых норм. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические и правовые источники. Как правило, такому подходу в ведении своего «бизнеса» способствовали многие причины: и характер первоначального накопления капитала, который нередко имел уголов-

ную специфику, и низкий образовательный уровень, и особенности взаимоотношений купечества и органов власти, и господство патриархальной идеологии, которая сдерживала внедрение прогрессивных западных методов ведения дел, и т. д. Между тем очень часто при нарушении своих прав купцы за защитой обращались именно к государственным органам, периодически даже впадая в крайности.

В целом же следует заметить, что основной причиной низкого уровня правосознания купцов было то, что они не выработали комплекса корпоративных норм, которыми бы руководствовались при ведении дел и разрешении своих споров. Слишком мало времени прошло с момента реформ, не были еще изжиты архаичные элементы из сознания. Немало способствовал этому и негативный образ купца, созданный в обществе того времени. Однако постепенное появление и развитие капиталистических отношений в обществе и мероприятия Александра I в экономическом секторе стали менять ситуацию в лучшую сторону.

Библиографический список

1. Банникова Е. В. Купечество как субъект российского законодательства (первая половина XIX в.) / Е. В. Банникова // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. – 2006. – № 3(45). – С. 12–30.
2. Богачев М. И. Символика и конструирование идентичности российского купечества в XIX в. / М. И. Богачев // Бизнес. Общество. Власть. – 2012. – № 13. – С. 40–54.
3. Богомолова Е. С. Этос купца / Е. С. Богомолова // Молодой ученый. – 2012. – № 11. – С. 225–230.
4. Бурыйшкин П. А. Москва купеческая / П. А. Бурыйшкин. – М. : Захаров, 2002. – 304 с.
5. Глазов Ю. В. Развитие купеческого права в России в XVIII веке / Ю. В. Глазов // Учен. зап. Кур. гос. ун-та. – 2011. – № 4 (20).
6. Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири) / Ю. М. Гончаров. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. – 244 с.

7. Киприянова Н. В. Культура предпринимательской деятельности купечества / Н. В. Киприянова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2014. – № 3–4.

8. Киприянова Н. В. Особенности правосознания провинциального купечества в XVIII в. / Н. В. Киприянова // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. – Шуя : ШГПУ, 2004. – Вып. IV. – С. 62–67.

9. Киприянова Н. В. Попытка диалога власти и общества: депутатские наказы в Уложенную комиссию 1767 г. / Н. В. Киприянова // Актуальные проблемы современных наук ; Режим доступа: http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Pravo/32465.doc.htm.

10. Козлова Н. В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. / Н. В. Козлова // Вестн. МГУ. Серия «История». – 1989. – № 4. – С. 32–46.

11. Купеческая Москва: образы ушедшей российской буржуазии : пер. с англ. / отв. ред. Дж. Уэст, Ю. А. Петров. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 384 с.

References

1. Bannikova E. V. Merchants as a Subject of the Russian Legislation (First Half of the XIX Century). *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2006. No. 3(45). P. 12–30.

2. Bogachev M. I. Symbols and Identity Construction of Russian Merchants in XIX Century. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2012. No. 13. P. 40–54.

3. Bogomolova E. S. Ethos of Merchant. *Molodoy Uchyony'j*. 2012. No. 11. P. 225–230.

4. Bury'shkin P. A. Merchant Moscow. М., Zakharov, 2002. 304 p.

5. Glazov Yu. V. Development of Merchant Law in Russia in XVIII Century. *Uchyony'e Zapiski Kurskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2011. No. 4(20).

6. Goncharov Yu. M. Merchant Family of Late XIX – Early XX Century (Based on Computer Data of the Merchant Families in West Siberia). М., *Institut E'tnologii i Antropologii RAN*, 1999. 244 p.

7. Kipriyanova N. V. Culture of Merchant Business Activity. *Sovremennaya Nauka: Aktual'ny'e Problemy' Teorii i Praktiki*. 2014. No. 3–4.

8. Kipriyanova N. V. Features of Justice of the Provincial Merchant Class in the XVIII Century. *Provincial'ny'j Anekdot. Chteniya po Regional'noj Kazual'noj Istorii*. Shuya, ShGPU, 2004. Vol. IV. P. 62–67.

9. Kipriyanova N. V. Trying Dialogue between the Authorities and Society: the Deputy Mandates in the Legislative Commission in 1767. URL: http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Pravo/32465.doc.htm.

10. Kozlova N. V. Some Aspects of the Historical and Cultural Characteristics of the Russian Merchant Class XVIII Century. *Vestnik MGU*. 1989. No. 4. P. 32–46.

11. Merchant Moscow: Images of Gone Russian Bourgeoisie. Exec. ed. J. West, Yu. A. Petrov. М., ROSSPE'N, 2007. 384 p.

**ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению существующих в современной отечественной юриспруденции подходов к понятию и сущности юридических гарантий обеспечения конституционно-правового статуса личности с целью формулирования их авторского определения и изучения особенностей механизма их реализации в условиях современного российского законодательства.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус личности, юридические гарантии правового статуса, сущность юридических гарантий, механизм реализации юридических гарантий.

Yu. Yu. Romazanova

**DEFINITION, NATURE AND MECHANISM OF IMPLEMENTATION
OF LEGAL GUARANTEES OF THE CONSTITUTIONAL
AND LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL**

Abstract. The article considers the existing domestic jurisprudence in modern approaches to the concept and spirit of the legal guarantees of the constitutional and legal status of the individual to formulate their copyright identify and study the features of the mechanism of their implementation in the modern Russian legislation.

Key words: constitutional and legal status of the individual, legal guarantees legal status, the nature of legal safeguards, mechanism for the implementation of legal safeguards.

Одним из наиболее ярких критериев демократичности и цивилизованности современного государства является отражение в действующем законодательстве всех элементов, образующих систему прав и свобод человека и гражданина. Однако провозглашение прав и свобод вполне может обернуться формальной декларацией в том случае, если их реализация не будет обеспечиваться при помощи особых средств, именуемых гарантиями и позволяющих создать

условия и возможности для всестороннего правомерного осуществления прав и свобод личности.

При этом гарантии, призванные обеспечить реализацию правового статуса личности являются не разрозненной совокупностью технико-юридических средств, а образуют отвечающую требованиям законности слаженную и сбалансированную в своих частях систему, выступающую действующим механизмом осуществления прав и свобод¹.

© Ромазанова Ю. Ю., 2015

¹ Колташов А. И. Гарантии реализации и защиты прав и свобод молодежи в РФ // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы : сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 21.

Обращаясь к рассмотрению юридических гарантий обеспечения конституционно-правового статуса личности, мы будем исходить из того, что в юридической науке гарантии традиционно принято воспринимать в качестве триединой системы, включающей в себя: 1) общие; 2) специально-юридические и 3) организационные гарантии¹.

Общие гарантии обеспечения конституционно-правового статуса личности представляют собой социально-экономические, политические, культурно-идеологические и иные виды условий, формирующих оптимальную сферу реализации конституционных прав и свобод². При этом необходимо отметить, что сами по себе общие гарантии не обеспечивают охрану и защиту конкретных элементов конституционно-правового статуса личности, а лишь создают условия для их нормальной реализации³. Цели охраны и защиты конституционных прав и свобод служат гарантии специально-юридические.

Обращаясь к их детальному рассмотрению, отметим, что само по себе понятие юридических гарантий в отечественной юридической науке сформулировано достаточно однозначно, авторские позиции отличаются только отражением тех или иных второстепенных аспектов. В общем понимании

под юридическими гарантиями принято понимать закрепленные в законодательстве средства и способы, направленные на непосредственное обеспечение правомерного осуществления и защиты прав, свобод и законных интересов личности⁴.

Исходя из этого мы считаем возможным определить юридические гарантии конституционно-правового статуса личности как систему закрепленных в правовых нормах приемов, способов, средств и условий, служащих обеспечению реализации конституционных прав и свобод, а в случае их нарушения – деятельность правомочных субъектов по их охране и защите. При этом среди всех юридических гарантий прав и свобод личности принято выделять две группы: 1) гарантии реализации прав и 2) гарантии охраны и защиты⁵, что дает нам основания выделить формы выражения юридических гарантий реализации конституционных прав: конкретное определение допустимых пределов предоставления прав и свобод; установление юридических фактов, с которыми связывается реализация конкретных прав и свобод; установление процессуальных форм их реализации; установление мер стимулирования правомерной деятельности, а также юридических гарантий их охраны и защиты: государственный и общественный контроль и надзор за

¹ Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 10.

² Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 27.

³ Новиков М. В. Мера необходимого и допустимого установления правовых ограничений как условие эффективности их реализации // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2013. № 1(26). С. 115.

⁴ Снежко О. А. Конституционный принцип государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ // Вестн. Саратов. акад. права. 1998. № 3. С. 13.

⁵ См., напр.: Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 95.

правомерностью поведения участников правоотношений; правовая защита субъектов конституционных правоотношений; установление мер юридической ответственности; пресечение нарушений конституционных прав и свобод и иные правоохранительные меры; регламентация процессуальных форм и средств охраны и защиты конституционных прав; меры предупреждения правонарушений.

Однако простого установления гарантий конституционно-правового статуса личности не может быть достаточно для его полного обеспечения¹. Необходимо еще и эффективно действующий механизм реализации гарантий конституционно-правового статуса личности, под которым мы понимаем совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных средств, направленных на формирование и функционирование системы позитивных условий и факторов, посредством которых обеспечивается воплощение в жизнь юридически закрепленного конституционно-правового статуса личности.

Основными элементами механизма реализации юридических гарантий конституционно-правового статуса личности, по нашему мнению, выступают регулятивный, институционный и функциональный. Регулятивный элемент механизма реализации юридических гарантий конституционно-правового статуса личности состоит из нормативного и ненормативного элементов. Нормативный элемент – это акты международного и внутригосударственного права, а ненормативный

– совокупность индивидуальных актов, правовых позиций и иных средств. Институционный элемент механизма реализации юридических гарантий конституционно-правового статуса личности представляет собой систему государственных и общественных органов, организаций и учреждений, обеспечивающих реализацию конституционных прав и свобод личности, а также исполнение корреспондирующих им нормативных обязанностей. Функциональный элемент механизма реализации юридических гарантий конституционно-правового статуса личности представляет собой целенаправленную систематическую деятельность государственных и общественных органов, организаций и учреждений, а также отдельных граждан по защите конституционных прав и свобод личности и исполнению ими конституционных обязанностей.

Не менее важным, чем механизм, элементом реализации юридических гарантий конституционно-правового статуса личности выступают полнота и непротиворечивость законодательства, направленного на обеспечение реализации конституционных прав и свобод. Как справедливо отмечает профессор А. П. Дьяченко, совершенствование законодательства является неотъемлемым и обязательным процессом, сопутствующим становлению правового государства. Формулируя те или иные юридические положения, законодатель должен не только стремиться привнести в правовую систему нечто новое, но и проанализировать данные положения

¹ Головкин Р. Б. Некоторые проблемы действия Конституции Российской Федерации (к 20-летию со дня принятия) // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2013. № 3(28). С. 140.

с точки зрения целесообразности и сочетаемости с уже существующими правовыми нормами¹.

Однако приведенные доводы о полноте и непротиворечивости законодательства будут оставаться достаточно абстрактными до тех пор, пока не сформулируют конкретные предложения относительно повышения качества законодательства. В связи с этим представляется, что в сфере обеспечения конституционных прав и свобод личности первостепенное значение будут иметь следующие требования:

- 1) соответствие принимаемых законодательных актов положениям Конституции Российской Федерации;
- 2) использование единого понятийно-категориального аппарата;
- 3) повышение качества принимаемых правовых актов посредством эффективного и разумного применения средств юридической техники.

Не меньшей важностью в процессе установления и обеспечения гарантий конституционно-правового статуса личности обладает правоприменительная деятельность государственных органов, направленная на обеспечение конституционных прав, свобод и обязанностей граждан. И связано это с тем, что порой от ее своевременности и квалифицированности зависит реализация того или иного конституционного права или своевременное пресечение нарушения права. При этом рассматриваемая деятельность может осуществляться в следующих формах:

- 1) содействие субъектам конституционных правоотношений в осуществлении прав и свобод;

- 2) посредничество между субъектами конституционных правоотношений;

- 3) контроль за реализацией конституционных прав;

- 4) создание условий для исполнения конституционных обязанностей;

- 5) контроль за исполнением конституционных обязанностей.

Организационные гарантии обеспечения конституционно-правового статуса личности находят свое выражение в первую очередь в установлении единой процессуальной формы реализации конституционных прав и свобод и исполнения конституционных обязанностей. То есть процедура реализации конкретного конституционного права или входящего в его состав правомочия происходит в порядке, устанавливаемом юридическими нормами.

Таким образом, в соответствии с целями проводимого исследования нам представляется возможным определить юридические гарантии обеспечения конституционно-правового статуса личности как систему закрепленных в правовых нормах приемов, способов, средств и условий, служащих обеспечению реализации конституционных прав и свобод, а в случае их нарушения – деятельность правомочных субъектов по их охране и защите. Следовательно, юридические гарантии конституционно-правового статуса личности выступают неотъемлемым элементом правового положения, занимаемого человеком, и являются качественной характеристикой уровня развития правовой системы общества.

¹ Дьяченко А. Главное – защита прав личности // Совет. юстиция. 1992. № 13–14. С. 24.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах / С. А. Авакьян // Юрид. мир. – 2015. – № 2. – С. 23–31.
2. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ : ИНФРА • М–НОРМА, 1997. – 304 с.
3. Дудко И. Г. Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы : монография / И. Г. Дудко, И. А. Гагаева. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 280 с.

References

1. Avak'yan S. A. Russian Constitutionalism: a Few Points on Urgent Problems. *Yuridicheskij Mir*. 2015. No. 2. P. 23–31.
2. Voevodin L. D. The Legal Status of the Person in Russia. M., Izdatel'stvo MGU, INFRA • M–NORMA, 1997. 304 p.
3. Dudko I. G., Gagaeva I. A. The Influence of European Law on the Constitutional Right of the Central and Eastern Europe. M., Yurlitinform, 2013. 280 p.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

УДК 341.1/8

А. Ф. Андреев

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ**

Аннотация. В работе раскрывается значимость включенности Российского государства в современный миропорядок.

Ключевые слова: Российское государство, современный миропорядок.

A. F. Andreev

**INTERNATIONAL LEGAL POSITIONING OF THE RUSSIAN STATE
IN THE MODERN WORLD ORDER**

Abstract. The work shows the international law significance of participation of the Russian State in modern world order.

Key words: Russian state, modern world order.

Включенность Российской Федерации в современный миропорядок установлена по обстоятельствам статуса России как великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее: ООН) и по факту добросовестного выполнения ею международных обязательств по Уставу ООН (п. 2 ст. 2). Тем самым Российская Федерация качественным образом содействует обеспечению юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств – членов мирового сообщества.

Внешнеполитический курс Российской Федерации по факту заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия ООН 2000 г., Итоговый документ

Всемирного саммита 2005 г.) ориентирован на содействие обеспечению целей Устава ООН.

Выдвижение востребованности поддержания международного мира и безопасности в разряд первоочередных целей Устава ООН (п. 1 ст. 1) однозначно свидетельствует в пользу основополагающей значимости институционно-правового режима международного мира и безопасности как системообразующей основы универсальной безопасности. Предписание недопустимости угрозы силой или ее применение (п. 4 ст. 2 Устава ООН), востребованность мирного разрешения международных споров (ст. 33 Устава ООН), совокупность мер, перечисленных в гл. VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии», включенность Международного суда

как главного судебного органа ООН в формат мер по обеспечению права в общих параметрах миропорядка на основе верховенства права Rule of Law¹ – весь этот позитив современного международного права целенаправленно работает для поддержания режима целостности системы универсальной безопасности.

Российская Федерация в рамках своего внешнеполитического курса по обеспечению выполнимости со стороны всех членов мирового сообщества своих международных обязательств согласно Уставу ООН вносит (с учетом своего статуса великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН) существенный вклад в дело поддержания целостности всей институциональной системы универсальной безопасности.

Вооруженные силы Российской Федерации в общих параметрах их институционально-правовой значимости в плане осуществления мер по поддержанию на должном уровне национальной и международной безопасности проводят широкомасштабную деятельность в рамках целостной системы универсальной безопасности. Сюда в объективном порядке входит участие Вооруженных сил Российской Федерации по линии миротворческой миссии Вооруженных сил ООН (ст. 39–40 Устава ООН), равно как и включенность Вооруженных сил Российской Федерации в формат миротворческой деятельности в рамках Содружества Независимых Государств (далее: СНГ). В этом смысле размещение Вооруженных сил Российской Федерации на территории

государств – участников СНГ во исполнение комплекса мер по линии региональной безопасности в полной мере вписывается в рамки международно-правовой деятельности мирового сообщества с целью поддержания целостности всей системы универсальной международной безопасности.

Академическое исследование комплекса проблем, связанных с пребыванием части состава Вооруженных сил Российской Федерации на территории государств – участников СНГ и определением их особого правового статуса, обусловливается современными геополитическими реалиями, состоянием системы международных отношений и перспективами ее совершенствования.

Ставится задача построения современного миропорядка на основе верховенства права. Международно-правовой позитив, заложенный в нормоустанавливающих документах современности (Декларация тысячелетия ООН 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.), надлежит быть реализован в формате современного миропорядка.

Российская Федерация в рамках своего последовательного внешнеполитического курса на обеспечение добросовестного выполнения всеми государствами – членами мирового сообщества своих международных обязательств своим юридически значимым правомерным поведением вносит существенный вклад в дело по установлению режима верховенства права в системе современных международных отношений.

¹ См. об этом: *Иванов И. С.* Верховенство права в международных отношениях // *Международная жизнь*. 2000. № 7. С. 62–67; *Каламкарян Р. А.* Господство права (Rule of Law) в международных отношениях. М., 2004; *Dacey A. V.* The Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1960.

В создавшейся ситуации приобретает важное теоретическое и практическое значение исследование всего спектра проблем, влияющих на обеспечение обороны и безопасности Российской Федерации. Исходя из содержания основополагающего документа в данной сфере – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537¹, можно определить, что интересы обеспечения обороны и безопасности России определяют необходимость военного присутствия Российской Федерации в ряде стратегически важных для страны регионах, к которым относятся прежде всего государства – участники СНГ.

Упорядочение процессов взаимодействия Российской Федерации со странами – членами СНГ по линии международной и региональной безопасности в формате современного международного права представляет собой институционно-образующую основу внешнеполитического курса всех стран – членов СНГ. Предметным позитивом здесь является соблюдение всего корпуса общепризнанных принципов современного международного права и прежде всего принципов суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела. В реальном режиме предметного взаимодействия Российской Федерации и стран – членов СНГ по линии универсальной и региональной безопасности режим права и справедливости обретает свой конкретный формат и в этом аспекте содействует прогрессивному развитию современного международного права и его институтов.

Правовую основу взаимодействия Российской Федерации и стран – членов СНГ по направлению универсальной и региональной безопасности составляют международные акты, федеральное законодательство Российской Федерации и национальное законодательство стран СНГ, определяющее правовой статус Вооруженных сил Российской Федерации.

Предметный анализ правового статуса воинских формирований Вооруженных сил Российской Федерации в странах СНГ включает в себя комплекс юридических актов – деклараций, принятых как в рамках СНГ, так и органами власти Российской Федерации. Таким образом, весь позитив современного международного права, внутригосударственного права Российской Федерации и других стран – членов СНГ, обеспечивающий надлежащую юридическую основу взаимодействия стран – членов СНГ по линии универсальной и региональной безопасности, обозначен в качестве концептуального обоснования вывода о международно-правовой значимости вклада стран – членов СНГ в дело выполнения целей Устава ООН по поддержанию международного мира и безопасности.

При обстоятельствах заявленных целей мирового сообщества по установлению верховенства права Rule of Law в системе современных международных отношений академический формат исследования ставит задачу выявления специфики правового положения российских воинских формирований на территории стран СНГ, установления роли и значения миротворчества в рамках становления региональной системы международных отношений, а также выработки рекомендаций

¹ Рос. газ. 2009. 19 мая.

по совершенствованию политико-правового оформления миротворческих операций стран-членов в будущем.

В общих параметрах раскрытия специфики правового статуса воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Молдова, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Киргизской Республики и Республики Армения установлена необходимость повышения эффективности миротворческой деятельности России как великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН.

По мере роста системности и активности мирового сообщества все большее развитие получает практика включенности мирового сообщества в формат урегулирования споров между государствами с целью их предотвращения, разрешения и ликвидации их последствий.

Становление системы ООН и региональных межгосударственных объединений после Второй мировой войны привело к легитимизации актов включенности мирового сообщества в процесс разрешения международных споров (конфликтов), получивших собирательное название – миротворческая деятельность¹.

Институт миротворческой деятельности относится исключительно к действиям ООН. В своем сущностном значении деятельность по поддержанию мира определяется как «деятельность с привлечением гражданского и военного персонала, но без полномочий осуществления принудительных действий, предпринимаемая ООН в целях оказания по-

мощи в поддержании мира или восстановлении мира и безопасности в регионе конфликта»².

Переход мирового сообщества от прямого противостояния к поступательному движению в направлении к миропорядку на основе верховенства права повысил уровень включенности мирового сообщества в формат конфликтного противостояния. Речь идет о тенденции к отнесению миротворческих операций не только к «классическим» межгосударственным конфликтам, но и к конфликтам внутренним, немеждународным. Соответственно, проводится различие между миротворчеством «первого поколения», которое было характерно для периода холодной войны, и миротворчеством «второго поколения», характерным для периода последних десятилетий. Здесь миротворчество направлено не просто на исключение вооруженных конфликтов, а на создание целостной системы международной безопасности на основе верховенства права.

По обстоятельствам процессов упорядочения международных отношений в формате добросовестного соблюдения всеми государствами своих международных обязательств (п. 2 ст. 2 Устава ООН) все шире утверждается подход, согласно которому международное сообщество может и должно вмешиваться и восстанавливать мир, «навязывать мир», в том числе силовыми средствами, если разгоревшийся конфликт настолько серьезен, что угрожает международному миру и безопасности.

¹ Нитикин А. Международные конфликты и их урегулирование // Мировая экономика и международн. отношения. 2006. № 2. С. 3.

² Голубые каски – обзор операций ООН по поддержанию мира. Изд. департамента обществ. инф. ООН. Нью-Йорк, 1990. С.4.

Миротворчество – понятие собирательное. Оно охватывает разные виды действий, связанные лишь двумя общими характеристиками: все они, во-первых, протекают в связи с конфликтами и, во-вторых, являются систематизированным внешним воздействием, нацеленным на урегулирование или снижение интенсивности конфликта.

Наука и практика современного международного права выработала целостное по форме и законченное по содержанию понимание института миротворчества. Соответственно, в системе миротворческих операций ООН выделяют четыре их основных типа: 1) традиционные миссии по поддержанию мира; 2) многосторонние мирные операции; 3) вмешательство для предотвращения гуманитарной катастрофы; 4) операции по силовому установлению мира.

Определение первого типа традиционно, а вот специфику второго типа операций определяют в том плане, что это операции вмешательства мирового сообщества в лице ООН во внутренние конфликты государств. При этом такие операции имеют значительный невоенный, гражданский компонент, поскольку решают задачи политического урегулирования, восстановления демократических институтов, проведения выборов и др. Примером такого вмешательства являются операции в Сомали (1992–1995 гг.), Боснии и Герцеговине (1992 г.), Ираке (1991 г.), Косово (1999–2000 гг.).

Четвертый тип операций рассматривается как прямое продолжение гуманитарного вмешательства в случае, когда между сторонами продолжает

себя еще проявлять в активной стадии противостояние, а ООН принимает решение применить вооруженную силу в формате «Вооруженные силы ООН» (United Nations Forces, UN Forces) для «гашения» конфликта. В качестве примера приводятся операции в Руанде и Гаити¹.

Характерной чертой миротворческих операций последних десятилетий как в мире в целом, так и в СНГ, в частности, является вовлечение в операцию регулярных воинских частей и соединений со штатной структурой и тяжелой боевой техникой, средствами разведки, электронной борьбы, военно-воздушными и военно-морскими компонентами. Все это было абсолютно не свойственно классическим операциям ООН более раннего периода. В значительной мере расширенное применение профессиональных усиленных военных контингентов в формате «Вооруженные силы ООН» является следствием того, что мир наполнился легким стрелковым и тяжелым современным оружием, набрали силу терроризм и несанкционированные военные формирования, региональные конфликты стали все более интенсивными и кровопролитными. Негосударственные субъекты конфликтов (этнические группы, сепаратистски настроенные регионы и пр.) приобрели возможности и навыки вооруженной борьбы, доступные ранее лишь государствам. В результате противостояние мирового сообщества таким конфликтам неизбежно приобретает характер все более серьезных военных задач, требующих военного профессионализма.

Следующей отличительной особенностью миротворческой деятель-

¹ Нитикин А. Указ. соч. С. 6–7.

ности является то, что арсенал миротворческой деятельности ООН и других организаций не нацелен на выявление и согласование глубинных (экономических, политических) интересов конфликтующих сторон. Он позволяет снять лишь внешние проявления и симптомы кризиса (вооруженное насилие, кровопролитие). При обстоятельствах, когда миротворческое вмешательство в конфликт третьих сил несет в себе в постановочном плане задачу примирения, политическое урегулирование конфликта в режиме верховенства права остается основополагающей составляющей поведения сторон конфликта. Принцип невмешательства, равная удаленность миротворцев от сторон конфликта является объективно неизбежными признаками операций ООН по поддержанию международного мира и безопасности. При обстоятельствах, когда вмешательство в конфликт со стороны мирового сообщества в лице ООН ставит задачу выполнения целей ООН по направлению международного мира и безопасности, миротворчество как системообразующая основа поведения всего мирового сообщества в целом не обеспечивает преимуществ ни одной из сторон.

Мировое сообщество через институт миротворческого вмешательства объективно ориентировано на содействие международно-правовому урегулированию международных конфликтов как таковых. Урегулированность международного конфликта в параметрах верховенства права является общим правилом мирового сообщества. Геополитиче-

ские, экономические и по обстоятельствам заявленной приверженности государств – членов мирового сообщества верховенству права интересы проецируются в сферу миротворческой деятельности, существенно влияют на характер, масштаб и направленность операций. В постановочном плане миротворческие операции – это «продолжение политики государств (членов мирового сообщества. – А. А.) иными средствами»¹, но в общем и обязательном режиме верховенства права. Речь идет о включенности мирового сообщества в формат универсальной системы международной безопасности.

Обобщая результаты анализа, можно сделать вывод о существовании на практике двух подходов к трактовке миротворческой деятельности – «глобалистский» и «реалистский».

С точки зрения первого миротворческие действия мирового сообщества могут рассматриваться как легитимная, оправданная, позитивная форма политико-дипломатической и военной деятельности с учетом признания тенденций глобализации современного мира в качестве приоритетного и положительного фактора развития международной системы. В таком случае миротворческие операции воспринимаются как форма выявления, согласования и реализации политической воли мирового сообщества в качестве совокупного (состоящего из отдельных государств – членов мирового сообщества. – А. А.) субъекта международных отношений, причем в процессе проведения миротворческих операций мировое сообщество стремится «гармонизиро-

¹ Никитин А. Указ. соч. С.16.

вать», упорядочивать социально-политические отношения в рамках его отдельных элементов-государств.

Сторонники второго подхода рассматривают государственный суверенитет как неприкосновенный, а негосударственные субъекты миротворческих операций в качестве вторичных структур, производных от воли отдельных государств. В связи с этим сфера миротворческих действий с данных позиций предстает как развитие практики включенности международных учреждений мирового сообщества наций в процесс урегулирования конфликтных ситуаций по всему формату межгосударственных отношений, а также как проекция взаимосогласованных усилий международных институтов системы ООН в процесс урегулирования региональных конфликтов (институционализированных в рамках решений международных учреждений мирового сообщества наций), взаимодействие и переплетение интересов мирового сообщества в целом. Миротворчество при такой трактовке выглядит в формате международно-правового позиционирования учреждений мирового сообщества наций по отношению к конфликту в плане его урегулирования на основе права и справедливости.

При обстоятельствах, когда наличие политических интересов у субъектов миротворческих операций в регионе конфликта является объективным обстоятельством своего существования, общим позитивом их юридически значимого правомерного поведения является участие в качестве суверенных субъектов международного права в системе универсальных международных

организаций. И здесь основополагающее значение имеет система ООН, действующая на основе ее Устава.

История развития человечества знает немало примеров создания межгосударственных организаций, главной задачей которых является поддержание мира и безопасности. Особое внимание решению этой задачи, как показывает практика, уделялось после окончания крупномасштабных войн. Так, в начале XX в., после Первой мировой войны, была образована Лига Наций, положившая начало созданию многофункциональных организаций обеспечения мира и безопасности. В конце Второй мировой войны, в связи с фактическим прекращением деятельности Лиги Наций, была создана новая международная организация, объединившая для целей поддержания международного мира и безопасности почти все государства земного шара – ООН.

С 1948 г. ООН провела 70 операций по поддержанию мира. 35 операций по поддержанию мира были учреждены Советом Безопасности ООН в период с 1988 по 1998 г. В настоящее время осуществляется 18 операций¹.

Наиболее значимыми из специальных миссий и операций по поддержанию мира являются: специальная миссия в Афганистане, контрольная миссия в Анголе, миссия добрых услуг в Бурунди, группа военной связи ООН в Камбодже, миссия наблюдения в Сальвадоре, специальный посланник и группа военных наблюдателей в Грузии, ирако-кувейтская миссия, специальный посланник в Таджикистане и ряд других.

¹ Список миротворческих миссий и операций ООН. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 19.03.2015).

Анализируя опыт проведения миротворческих операций, можно выделить ряд основных этапов.

В ходе **первого этапа (с 1948 по 1956 г.)** были организованы две операции, которые продолжаются до настоящего времени. Так, в рамках этих операций были образованы: Миссия ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия, созданная для наблюдения за соглашением о прекращении огня между Израилем и его арабскими соседями в 1948 г., и группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане, созданная в 1949 г. для наблюдения за линией разграничения между двумя странами в Кашмире. На этом этапе впервые были апробированы подходы к учреждению миссий по наблюдению за прекращением огня, которые во многом носили экспериментальный характер.

Второй этап международного миротворчества (с 1956 по 1967 г.) проходил по факту существования военно-политических блоков – Организации Варшавского договора и НАТО. Политика ядерного сдерживания, проводившаяся двумя сверхдержавами (СССР и США), делала юридически и практически востребованным достижение соответствующих международно-правовых договоренностей с целью предотвращения конфликтных ситуаций. В этот период впервые были сформированы миротворческие силы ООН с целью прекращения огня и поддержания международного мира. Так, были учреждены Чрезвычайные силы ООН на Синае, операции ООН в Конго, Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре, а также четыре миссии наблюдателей: в Ливане, Йемене, Доминиканской

Республике и на индо-пакистанской границе. В ходе этих операций был выработан институт принудительных мер с целью поддержания международного мира и безопасности по всему кругу юридически спорной ситуации.

Третий этап (с 1967 по 1973 г.) миротворческая деятельность под эгидой ООН проявляла свою юридическую действенность в формате трех ранее учрежденных операций. Включенность мирового сообщества здесь качественно установлена в параметрах выполнения общих целей Устава ООН по обеспечению универсальной международной безопасности.

На четвертом этапе (с 1973 по 1990 г.) миротворческая деятельность ООН по факту своей международно-правовой значимости предметно проявила себя в качестве средства, способного обеспечить контроль за развитием обстановки в случае кризисного развития конкретной международной ситуации. В качестве целей миротворческих операций обозначены содействие прекращению боевых действий в сочетании с осуществлением мер по росту доверия между сторонами конфликта и восстановление режима международного мира и безопасности.

Участие Вооруженных сил ООН в миротворческих операциях осуществляется в формате ст. 63, 64 Устава ООН по факту подписания соответствующих соглашений между ООН и государствами – членами ООН. Направляемые в состав Вооруженных сил ООН военные контингенты государств – членов ООН осуществляют свои функции уже в режиме Вооруженных сил ООН и называются соответствующими имунитетами как сотрудники ООН. Участие

военнослужащих из состава Вооруженных сил ООН в операциях по поддержанию международного мира и безопасности в институционно-правовом смысле сводится к двум формам: выделение военнослужащих на индивидуальной основе в состав наблюдательных комиссий и выделение отдельных подразделений национальных вооруженных сил в состав миротворческих сил ООН.

При обстоятельствах, когда институционно-правовая основа создания и деятельности Вооруженных сил ООН четко и в развернутом плане обозначена в Уставе ООН (ст. 63, 64), формирование и функциональное привлечение Вооруженных сил ООН в каждой отдельной международной ситуации осуществляется по факту конкретики и в реальном режиме своего существования. Система миротворческих операций Вооруженных сил ООН в институционно-правовом плане упорядочена в рамках Устава ООН, носит целостный характер, но варьируется по результатам конкретной международной ситуации. И это объективно, поскольку международные ситуации разнятся по существу, но мера международно-правового воздействия со стороны ООН – это положения гл. VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». По каждой операции выносятся отдельные решения ООН, создается свой механизм управления. Критерии деятельности миротворческих сил ООН и статус военнослужащих из состава Вооруженных сил ООН определяются в специальных соглашениях, заключаемых, с одной стороны, ООН,

а с другой – государствами – членами ООН, направляющими свои воинские контингенты в состав Вооруженных сил ООН¹.

При организации сложных по своему характеру миссий, предусматривающих ведение работы одновременно в политической, военной и гуманитарной областях, используется опыт, накопленный при проведении «традиционных» операций ООН по поддержанию мира, которые, как правило, нацелены на решение главным образом военных задач, таких как наблюдение за прекращением огня, разъединение противоборствующих сил и создание буферных зон.

В международно-правовом плане в формат субъектного состава миротворческих операций параллельно к выполняющим функции миротворцев ООН военнослужащим присоединяются сотрудники гражданской полиции, наблюдатели за проведением выборов, наблюдатели за соблюдением прав человека и другие гражданские специалисты. Диапазон их задач широк – от обеспечения охраны при доставке гуманитарной помощи и самой ее доставки до оказания бывшим противникам помощи в осуществлении сложных по своему характеру мирных соглашений. Миротворцев ООН привлекают к решению таких задач, как оказание помощи в разоружении и демобилизации бывших комбатантов, содействие в подготовке гражданских полицейских, наблюдение за их деятельностью, помощь в организации выборов и наблюдение за их проведением. Работая совместно с учреждениями ООН и другими гуманитарными организациями, миротворцы помогают

¹ Международные отношения: теории, конфликты, организации / под ред. П. А. Цыганкова. М., 2004. С.163.

беженцам возвращаться в свои дома, обеспечивают контроль за соблюдением прав человека, обезвреживают наземные мины и начинают мероприятия по восстановлению международного мира и безопасности.

В институциональном режиме права ООН, операции по поддержанию мира учреждает Совет Безопасности – орган ООН, несущий главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Совет Безопасности ООН определяет масштабы операции, ее общие цели и временные рамки. Поскольку ООН не располагает собственными вооруженными силами или гражданской полицией, государства-члены сами решают, участвовать ли им в той или иной миссии и, в случае участия, какой персонал и какое имущество они готовы предоставить.

Военнослужащие, входящие в состав Вооруженных сил ООН по поддержанию мира, носят легкое оружие и имеют право на применение силы в целях самообороны или в случаях, когда вооруженные лица пытаются помешать им в выполнении возложенных на них обязанностей. Гражданские полицейские обычно не вооружены. Специфика службы военных наблюдателей состоит в том, что свою миссию они выполняют фактически без оружия, полагаясь при принятии решений только на знания и опыт, а нередко – лишь на интуицию.

Операции ООН по поддержанию мира следует отличать от других форм многонационального военного вмешательства, включая так называемые принудительные меры. В параметрах гл. VII Устава ООН Совет Безопасности уполномочивает государства-

члены использовать «все необходимые средства», включая применение силы, для принятия мер в связи с вооруженным конфликтом или угрозами миру. Действуя на основе такой санкции, государства-члены образуют военные коалиции, например, в ответ на вторжение Ирака в Кувейт в 1990-е гг. Многонациональные операции развертывались в дополнение к операциям ООН в Сомали, Руанде, Гаити, Боснии и Герцеговине. В 1997 г. Совет Безопасности ООН санкционировал действия «коалиции желающих» в связи с ситуацией в Албании. Кроме того, было санкционировано развертывание многонациональных миротворческих сил в Центральноафриканской Республике, которые в марте 1998 г. были заменены Миссией ООН в Центральноафриканской Республике.

Миротворческие миссии учреждаются и их задачи определяют пятнадцать государств – членов Совета Безопасности. В Уставе ООН конкретно указывается, что Совет Безопасности ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности (ст. 24, 25 Устава ООН). Каждый из пяти постоянных членов Совета Безопасности – Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Китайская Народная Республика, Французская Республика – может наложить вето на любое решение, касающееся операций по поддержанию мира¹.

Военный и гражданский полицейский персонал по поддержанию мира остается в составе своих национальных формирований, однако служит под оперативным управлением ООН.

¹ Миротворческие операции, парламенты и законодательство. С.153.

Участники миссий носят форменную одежду своих стран, а на их принадлежность к миротворцам ООН указывают голубые береты или каски и отличительные знаки ООН. Гражданский персонал прикомандировывается из Секретариата ООН, учреждений ООН или правительств либо работает на контрактной основе.

Военнослужащие сил по поддержанию мира получают заработную плату от правительства своих стран в соответствии с их рангом и шкалой окладов в национальных вооруженных силах. Расходы стран, добровольно предоставляющих персонал для операций по поддержанию мира, возмещаются ООН по единой ставке. ООН также возмещает странам расходы за предоставленное имущество.

История участия военнослужащих России в военных операциях на территориях иных стран исчисляется с 1973 г., когда группа офицеров была включена в качестве наблюдателей в состав Чрезвычайных сил ООН на Синае. Начиная с 1991 г. участие России в миротворческих операциях активизировалось: в апреле, после окончания войны в Персидском заливе, была направлена группа российских военных наблюдателей (далее: РВН) ООН в район ирако-кувейтской границы, а в сентябре – в Западную Сахару. С начала 1992 г. сфера деятельности военных наблюдателей Российской Федерации распространилась на Югославию, Камбоджу и Мозамбик, а в январе 1994 г. – на Руанду. В октябре 1994 г. направлена группа РВН ООН в Грузию, в феврале 1995 г. – в Анголу, в марте 1997 г. – в Гватемалу, в мае 1998 г. – в Сьерра-Леоне, в июле 1999 г. – в Восточный Тимор, в ноябре 1999 г. – в Демократическую Республику Конго.

В качестве отдельных национальных воинских формирований российские миротворцы были направлены в состав Вооруженных сил ООН в бывшей Югославии 8 марта 1992 г. по решению Верховного Совета страны. Так, первый российский батальон участвовал в разделении сербских и хорватских вооруженных формирований в Хорватии. Впоследствии на базе части сил этого батальона, переброшенной из Сербской Краины под Сараево, был развернут второй российский батальон в Боснии и Герцеговине. В настоящее время две российские дивизии проводят целенаправленную подготовку к осуществлению миротворческих миссий (в том числе и по планам ООН).

Кроме российских воинских формирований в миссиях ООН постоянно принимают участие офицеры – военные наблюдатели. В целом в операциях по поддержанию мира, проводимых под эгидой ООН, участвуют десять групп российских военных наблюдателей и офицеров штабов ООН общей численностью до 70 человек. Российские военные наблюдатели служат на Ближнем Востоке (Ливан), на ирако-кувейтской границе, в Западной Сахаре, в бывшей Югославии, в Грузии, Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Демократической Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Судане. Примечательно, что Российская Федерация входит в первую десятку по количеству военных наблюдателей в ООН. Основными задачами военных наблюдателей являются наблюдение за выполнением соглашений о перемирии, прекращении огня между враждующими сторонами, а также предотвращение, путем своего присутствия без права применения силы, возможных нарушений

принятых соглашений и договоренностей конфликтующих сторон.

Подбор кандидатов в военные наблюдатели ООН на добровольной основе осуществляется из числа офицеров, владеющих иностранными языками (для большинства миссий ООН это английский язык), знающих правила ведения стандартной документации и имеющих опыт вождения автомобиля. Особенности службы военного наблюдателя ООН требуют от него наличия качеств, позволяющих принимать компромиссные решения в самых неожиданных ситуациях и в кратчайшие сроки. Данное обязательство определяет особый порядок отбора и подготовки этих офицеров. Требования, предъявляемые ООН к офицеру-кандидату в военные наблюдатели, очень высоки. Однако практика участия российских офицеров в миссиях ООН показала, что по уровню профессиональной подготовки, морально-психологическому состоянию, умению в экстремальных ситуациях принять наиболее целесообразное решение они вполне соответствуют предъявляемым требованиям. А опыт, накопленный российскими наблюдателями, активно используется при организации работы по подготовке к участию в новых миротворческих операциях и совершенствовании методики их обучения.

Российские военнослужащие уже не один год принимают участие в операциях по поддержанию мира. Более того, в начале 1997 г. Правительством Российской Федерации были приняты юридические документы, определяющие состав и задачи специального контингента, комплектование и порядок

подготовки, основы применения, вопросы, связанные с техническим и тыловым обеспечением, социально-правовой защищенностью. До 1997 г. работа органов военного управления строилась на основе приказов министра обороны Российской Федерации, директив и указаний начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, командующего Воздушно-десантными войсками¹.

Институционную основу правового регулирования порядка применения Российской Федерацией воинских контингентов, участвующих в миротворческих операциях, составляет Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», который закрепляет положение о том, что Вооруженные силы Российской Федерации предназначены для отражения агрессии и нанесения агрессору поражения, а также выполнения задач в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации².

Документальное строительство режима институционно-правовой включенности Российской Федерации в формат миротворческих операций ООН обозначает себя комплексом юридически значимых актов. Первый документ – это юридический акт под названием «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где указывается следующее: «Россия считает, что поддержанию стратегической стабильности и равноправному стратегическому партнерству может способствовать присутствие в конфликтных регионах контингентов Вооруженных сил Российской Федерации на основе норм международного

¹Тюркин М. Л., Шаковец О. В. Правовое регулирование действий воинского контингента Российской Федерации в миротворческих операциях. М., 2001. С. 68.

² Рос. газ. 1996. 6 июня.

права в целях решения политических, экономических и иных задач невоенными методами».

Вторым атом выступает Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976. В ней говорится, что «Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных сил... для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН... в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права...»¹.

С учетом своего статуса великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН Россия осуществляет важную роль в деле урегулирования вооруженных конфликтов и проведения политики в формате миротворческой деятельности на пространстве СНГ. В рамках СНГ юридически значимым фактором для создания необходимых условий проведения миротворческих операций является реализация Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г.

Формирование инфраструктуры Совета коллективной безопасности и его рабочих органов позволяет создать эффективную систему коллективной безопасности, способную оказывать решающее значение на разрешение конфликтов и размещение ответственности за поддержание мира на всех участников Договора².

Созданная на основе Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. региональная система без-

опасности (ст. 53 Устава ООН) в формате Организации Договора о коллективной безопасности позиционирует себя в качестве важной составляющей универсальной системы безопасности великой державы в лице Российской Федерации в деле содействия поддержанию международного мира и безопасности. Участие России как великой державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН в универсальной системе международной безопасности является важным фактором по линии выполнения целей Устава ООН (ст.1) в деле содействия поддержанию международного мира и безопасности.

Институционно-правовой формат включенности Российской Федерации в деятельность по поддержанию международного мира и безопасности на пространстве СНГ несет в себе свою специфику и конкретные особенности. Речь идет о следующем.

Первое. Вооруженные силы Российской Федерации принимают на себя основную нагрузку в проведении миротворческой миссии на всем пространственном протяжении СНГ.

Второе. При решении миротворческих проблем в рамках СНГ факт консолидации общего юридического интереса – поддержание международного мира и безопасности на всем пространственном протяжении СНГ – обозначен в качестве основополагающего фактора в системе международных отношений в параметрах СНГ. В этом смысле институт региональной безопасности по линии СНГ определяет себя в качестве составной части универсальной системы в формате ООН.

¹ Рос. газ. 2014. 30 дек.

² Тюркин М. Л., Шаковец О. В. Указ. соч. С. 75.

Третье. При обстоятельствах, когда задействованность институтов ООН в деле обеспечения международной безопасности на пространстве СНГ носит исключительно представительский характер, обратный процесс, а именно международно-правовая включенность Российской Федерации, а также других государств – членов СНГ в миротворческие операции по линии ООН носит активный по существу, значительный по степени материализации характер.

Четвертое. По факту заявленной приверженности государств – членов СНГ верховенству права (Декларация тысячелетия ООН 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) Российская Федерация совместно со всем субъектным составом СНГ обеспечивает формат юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех потенциально заинтересованных государств на основе принципа суверенного равенства. Всем сторонам международных конфликтов предоставляется юридическое право на решение международных проблем в любой конфигурации.

Выдвижение Российской Федерации в разряд активных участников международных процессов по обеспечению региональной (в масштабе СНГ) и универсальной безопасности (в формате всего мирового сообщества в целом) качественным образом преобразует всю действующую систему международного мира и безопасности на началах равной безопасности всех субъектов современных международных отношений, их общей заинтересованности в достижении единой для всех государств – членов мирового сообщества задачи – поддержание целостности и неделимости универсальной системы международной безопасности.

Международно-правовой позитив вклада Российского государства в современный миропорядок установлен в формате содействия выполнимости целей и принципов Устава ООН со стороны всех государств – членов мирового сообщества. Тем самым Российская Федерация качественным образом обеспечивает поступательность развития человеческой цивилизации в условиях справедливого миропорядка.

Библиографический список

1. Голубые каски – обзор операций ООН по поддержанию мира. – Нью-Йорк : Изд. департамента обществ. инф. ООН, 1996.
2. *Иванов И. С.* Верховенство права в международных отношениях / И. С. Иванов // *Междунар. жизнь.* – 2000. – № 7. – С. 62–67.
3. *Каламкарян Р. А.* Господство права (Rule of Law) в международных отношениях / Р. А. Каламкарян. – М. : Наука, 2004. – 494 с.
4. *Международные отношения: теории, конфликты, организации* / П. А. Цыганков [и др.] ; под ред. проф. П. А. Цыганкова. – М. : Альфа-М, 2004. – 288 с.
5. *Миротворческие операции, парламенты и законодательство* : монография / под ред. А. И. Никитина. – М. : Эслан, 2004. – 204 с.
6. *Нитикин А.* Международные конфликты и их урегулирование / А. Никитин // *Мировая экономика и междунар. отношения.* – 2006. – № 2. – С. 3–16.

7. Тюркин М. Л. Правовое регулирование действий воинского контингента Российской Федерации в миротворческих операциях : монография / М. Л. Тюркин, О. В. Шаковец. – М. : [б. и.], 2001. – 214 с.

8. Dicey A. V. The Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1960.

References

1. Blue Helmets – Review of operations of UN peacekeeping. New York, Acad. Department of societies. inf. UN, 1996.

2. Ivanov I. Rule of Law in International Relations. 2000. № 7. P. 62–67.

3. Kalamkaryan R. A. Rule of Law (Rule of Law) in International Relations. M., Nauka, 2004. 494 p.

4. Cry'gankov P. A. et al. International Relations: Theory, Conflict, Organization. M., Al'fa-M, 2004. 288 p.

5. Peacekeeping Operations, Parliaments and Law. Ed. by A. I. Nikitin. M., Eslan, 2004. 204 p.

6. Nitikin A. International Conflicts and Their Resolution. *Mirovaya E'konomika I Mezhdunarodny'e Otnosheniya*. 2006. № 2. P. 3–16.

7. Tyurkin M. L., Sharovecz O. V. Legal Regulation of Aactions of Troops of the Russian Federation in peacekeeping Operations. M., 2001. 214 p.

8. Dicey A. V. The Introduction to the Study of the Law of Constitution. London, 1960.

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ НАЗНАЧЕНИЯ ВИДА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются отдельные вопросы применения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений».

Ключевые слова: вид исправительного учреждения, назначение вида исправительного учреждения, исполнение наказания.

NOVELS LEGAL REGULATION ISSUES PURPOSE TYPE OF CORRECTIONAL INSTITUTION

Abstract. The article analyzes some issues of application of the decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2014 № 9 «On the practice of assignment and change of courts kinds of correctional institutions».

Key words: view of the correctional institution, the appointment of the correctional institution, the execution of punishment.

Двадцать девятого мая 2014 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений»¹ (далее: Постановление), которое существенным образом изменило регламентацию целого ряда вопросов, связанных с определением вида исправительного учреждения осужденным к лишению свободы в сравнении с ранее действовавшим постановлением от 12 ноября 2001 г. № 14².

Одна из наиболее значимых новелл содержится в пп. 2 и 3 Постановления. Так, согласно п. 2 по правилам, предусмотренным п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, следует назначать вид исправительного

учреждения в случае осуждения: а) лица за преступления, совершенные по неосторожности, независимо от срока наказания и предыдущих судимостей; б) лица, ранее не отбывавшего лишения свободы, по совокупности преступлений, одни из которых совершены по неосторожности, а другие – умышленно, причем умышленные преступления относятся к категориям небольшой или средней тяжести; в) лица, ранее не отбывавшего лишения свободы, по совокупности преступлений или совокупности приговоров за умышленные преступления небольшой и (или) средней тяжести, а также тяжкое преступление, за которое назначено наказание, не связанное с лишением свободы. Если в указанных случаях суд придет к выводу

© Колосов А. С., 2015

¹ Рос. газ. 2014. 4 июня.

² О практике назначения судами видов исправительных учреждений : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 нояб. 2001 г. № 14 // Рос. газ. 2001. 5 дек.

о необходимости назначения осужденному для отбывания наказания исправительной колонии общего режима вместо колонии-поселения, он должен мотивировать принятое решение.

В соответствии с п. 3 Постановления в случае осуждения к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и (или) средней тяжести либо за тяжкое преступление лица мужского пола, ранее отбывавшего лишение свободы, при отсутствии рецидива преступлений (например, если лишение свободы отбывалось за преступление, совершенное по неосторожности или в несовершеннолетнем возрасте) отбывание наказания назначается в исправительной колонии общего режима.

Путем системного и грамматического толкования указанных положений можно прийти к однозначному выводу о том, что, назначая наказание в виде лишения свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести лицу, ранее отбывавшему лишение свободы, при отсутствии рецидива преступлений, местом отбывания наказания во всех случаях суд должен определить исправительную колонию общего режима *без какой-либо дополнительной мотивировки принятого решения.*

Данная правовая позиция существенно отличается от существовавшей ранее практики назначения указанной категории осужденных отбывания лишения свободы в исправительной колонии общего режима

исключительно с приведением мотивов принятого решения на основании п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Так, приговором Самарского областного суда от 28 сентября 2007 г. А. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 166, ч. 1 ст. 167 УК РФ к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2008 г. № 46-О07-97 приговор был изменен. Как указал Верховный Суд Российской Федерации, свое решение о назначении отбывания осужденным наказания в исправительной колонии общего режима в нарушение требований п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ суд первой инстанции не мотивировал, в связи с чем местом отбывания наказания А. была определена колония-поселение¹.

Указанный подход применялся судами в отношении лиц, ранее отбывавших лишение свободы (при отсутствии рецидива), совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести².

В целом, признавая обоснованным новый подход к назначению вида исправительного учреждения в отношении указанной категории осужденных, нельзя не отметить тот факт, что положения п. 3 Постановления порождают правовую неопределенность: на какой пункт ч. 1 ст. 58 УК РФ – «а» или «б» – надлежит ссы-

¹ Определение Верхов. Суда Рос Федерации от 5 февр. 2008 г. № 46-О07-97. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Напр.: постановление Президиума Верхов. суда Респ. Татарстан от 11 сент. 2013 г. № 44-у-396/2013 ; постановление Президиума Рост. обл. суда от 17 февр. 2011 г. № 44у-54/2011 ; постановления Президиума Хабар. краевого суда от 23 дек. 2013 г. № 44у-280/2013 и от 24 марта 2014 г. № 44у-36/2014. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

латься суду в приговоре при определении вида исправительного учреждения? Напомним, что рассматриваемая нами ситуация назначения вида исправительного учреждения лицам, совершившим умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее отбывавшим лишение свободы, при отсутствии рецидива преступлений, прямо не урегулирована ни п. «а», ни п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ. И если прежде суды, не принимая во внимание тот факт, что лицо ранее отбывало лишение свободы, руководствовались п. «а» ч. 1 указанной статьи, то при буквальном следовании рекомендации, содержащейся в п. 3 Постановления о немотивированном назначении указанной категории осужденных отбывания наказания в исправительной колонии общего режима, некорректной будет ссылка как на п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ (требующий обязательной мотивировки такого решения), так и на п. «б» ч. 1 указанной статьи (регламентирующий назначение вида исправительного учреждения только мужчинам, совершившим тяжкое преступление).

Такие варианты практической реализации положений п. 3 Постановления, как ссылка в приговоре суда на ч. 1 ст. 58 УК РФ без указания конкретного пункта либо прямая ссылка в приговоре на указанный пункт Постановления представляются нам небесспорными с точки зрения юридической техники. В рамках настоящей статьи мы полагаем нецелесообраз-

ным вступать в дискуссию относительно значения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источника права¹. При этом неоспорима их решающая роль в формировании судебной практики, в связи с чем вопрос о возможности неисполнения судами содержащихся в них рекомендаций представляется нам беспочвенным и непродуктивным. В то же время ситуация, когда постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации не только разъясняет, но и отчасти подменяет собой уголовный закон, видится нам не вполне приемлемой и ставит правоприменителя перед весьма неприятным выбором: выполнить рациональную и обоснованную рекомендацию Пленума Верховного Суда Российской Федерации или обеспечить формальное соблюдение буквы уголовного закона?

Наиболее приемлемым решением рассматриваемой проблемы можно считать внесение изменений в п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ путем дополнения перечисленных в ней категорий осужденных, которые должны отбывать наказание в исправительной колонии общего режима, указанием на лиц, перечисленных в п. 3 рассматриваемого Постановления.

Еще одним немаловажным изменением, привнесённым Постановлением, явились новые критерии отнесения лиц к ранее отбывавшим либо не отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

¹ Подробнее об этом: *Бурков А. Л.* Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике // *Изв. вузов. Правоведение.* 2011. № 5. С. 172–186; *Зименков А. А.* Современный взгляд на правовую природу постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // *Рос. судья.* 2012. № 7. С. 43–46; *Хомяков С. А.* Роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в осуществлении правосудия // *Рос. юстиция.* 2011. № 6. С. 62–66 и др.

Так, п. 10 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 г. № 14 относил к *ранее не отбывавшим наказание в виде лишения свободы* лиц, осуждавшихся к наказанию в виде исправительных работ или ограничения свободы, которым по основаниям, предусмотренным ч. 3 ст. 50 и ч. 4 ст. 53 УК РФ, эти виды наказаний были заменены лишением свободы. При этом п. 11 нового Постановления отнес указанную категорию осужденных, а также лиц, осуждавшихся к штрафу, обязательным работам и принудительным работам, которым указанные виды наказаний были заменены лишением свободы, которое они отбывали в исправительном учреждении, к *ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы*.

Корректировка позиции Верховного Суда Российской Федерации по указанному вопросу видится логичной и обоснованной, поскольку соответствует принципу недопустимости содержания в одном исправительном учреждении лиц, впервые оказавшихся в местах лишения свободы, и лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, впитавших в себя «тюремную» субкультуру.

Учитывая, что признание лица ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы имеет решающее значение при назначении ему вида исправительного учреждения в таких случаях, как, например, при совершении лицом тяжкого преступления при рецидиве преступлений (п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ), указанное разъяснение Верховного Суда Российской Феде-

рации будет, безусловно, широко востребовано судебной практикой. При этом, разрешая возможные вопросы об обратной силе разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые ухудшают положение осужденного, отметим, что, по нашему мнению, к данной ситуации неприменимы положения ч. 1 ст. 10 УК РФ, которые относятся исключительно к вопросам действия во времени уголовного закона. Относительно вновь принятых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации мы полагаем, что они, безусловно, не могут быть основанием для ревизии уже принятых судебных решений, но должны в обязательном порядке применяться при разрешении уголовных дел, не рассмотренных на момент их принятия, независимо от времени совершения преступления.

Заслуживает внимания и рекомендация, содержащаяся в п. 13 Постановления, которая обязывает суды во всех случаях указывать в описательно-мотивировочной части приговора вид рецидива. Необходимость появления в Постановлении указанного положения была обусловлена тем, что после внесения Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹ изменений в ст. 68 УК РФ, унифицировавших правила определения срока наказания при любом виде рецидива, многие суды стали ограничиваться в приговорах указанием на рецидив преступлений как обстоятельство, отягчающее наказание подсудимого, не кон-

¹ Рос. газ. 2003. 16 дек.

кретизируя при этом его вид. Результатом этого явились сложности, с которыми в настоящее время сталкиваются суды при установлении в отношении осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, административного надзора на основании ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»¹. При этом нередко имеет место ситуация, когда фактически лицо отбывает наказание за преступление, совершенное при опасном рецидиве, однако в приговоре вид рецидива не указан, в связи с чем суд вынужден отказывать в установлении в отношении такого осужденного административного надзора. В связи с изложенным сформулированное в Постановлении требование об обязательном указании в приговоре вида рецидива является обоснованным и должно неукоснительно выполняться судами при рассмотрении уголовных дел.

Актуальными и востребованными практикой следует признать и рекомендации, содержащиеся в пп. 20–31 Постановления, касающиеся вопросов изменения вида исправительного учреждения на основании ст. 78 и 140 УИК РФ. Указанные положения заменили во многом утратившие актуальность разъяснения Верховного Суда РСФСР, принятые в 70-х гг. прошлого века. В

качестве положительного момента следует отметить тот факт, что в новых рекомендациях по вопросу изменения видов исправительных учреждений Верховный Суд Российской Федерации продемонстрировал те же подходы, которые ранее получили закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»² и Обзоре судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г.³, что свидетельствует о системности подхода высшей судебной инстанции к регулированию смежных уголовно-правовых институтов.

Таким образом, принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 явилось значимым событием в сфере регулирования вопросов, связанных с назначением вида исправительного учреждения. В то же время в указанной сфере остается много проблемных вопросов, которые требуют своего разрешения как на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, так и в уголовном законодательстве.

Библиографический список

1. Бурков А. Л. Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ в законодательстве и судебной практике / А. Л. Бурков // Изв. вузов. Правоведение. – 2011. – № 5. – С. 172–186.

¹ Парламент. газ. 2011. 8–14 апр.

² Рос. газ. 2009. 29 апр.

³ Бюл. Верхов. Суда РФ. 2014. № 8.

2. *Зименков А. А.* Современный взгляд на правовую природу постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации / А. А. Зименков // Рос. судья. – 2012. – № 7. – С. 43–46.

3. *Хомяков С. А.* Роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в осуществлении правосудия / С. А. Хомяков // Рос. юстиция. – 2011. – № 6. – С. 65–69.

References

1. *Burkov A. L.* Status Decisions of the Plenum of the Supreme Court in the Legislation and Judicial Practice. *Izvestiya Vuzov. Pravovedenie*. 2011. № 5. P. 172–186.

2. *Zimenkov A. A.* Modern View of the Legal Nature of the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Rossijskij Sud;ya*. 2012. № 7. P. 43–46.

3. *Khomyakov S. A.* The Role of Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation in the Administration of Justice. *Rossijskaya Yusticiya*. 2011. № 6. P. 65–69.

Д. А. Лепёшин

ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ ЛИДЕРОВ НА СОСТОЯНИЕ ПРАВОПОРЯДКА В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье на основе анализа оперативно-служебной деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России дается характеристика отрицательного влияния лидеров уголовно-преступной среды на оперативную обстановку в местах лишения свободы. Автором раскрыты взаимосвязь между традициями и обычаями «воровского» (тюремного) мира и состоянием правопорядка при исполнении наказаний и меры пресечения в виде содержания под стражей.

Ключевые слова: пенитенциарные правонарушения, исправительное учреждение, неформальные лидеры, криминальная субкультура.

D. A. Lepyoshin

THE INFLUENCE OF INFORMAL LEADERS ON THE STATE OF LAW AND ORDER IN PRISONS

Abstract. In article on the basis of the analysis of operational activity of penitentiary institutions of the criminal-executive system of Russia describes the negative influence of the leaders of the criminal-criminal environment on the operational situation in the penitentiary institutions. The author disclosed the relationship between traditions and customs «thieves» (jail) of the world and the state of law enforcement in the enforcement of sentences and measures of restraint in the form of detention.

Key words: penal offenses, correctional facility, informal leaders, criminal subculture.

В последнее время для исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) России становятся характерными такие правонарушения с участием групп осужденных, как: групповые неповиновения, групповое членовредительство и др. Все это свидетельствует о влиянии «элиты» криминального мира на основную массу подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которое осуществляется через отрицательно настроенные группы, в числе кото-

рых есть лидеры преступных группировок, лица, неоднократно отбывавшие уголовные наказания в виде лишения свободы и являющиеся приверженцами «воровской» идеологии.

Указанная категория осужденных постоянно находится в поиске каналов проникновения наркотических веществ, средств сотовой связи, а также иных запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ на режимную территорию пенитенциарного учреждения. Своими действиями лидеры уголовно-преступ-

ной среды пытаются дестабилизировать оперативную обстановку, создать условия, при которых решение любых конфликтных ситуаций между осужденными находилось в их ведении, а не сотрудников администрации исправительного учреждения.

На коллегии ФСИН России по итогам деятельности за 2013 г. было особо отмечено, что в ряде исправительных учреждений территориальных органов отмечается серьезный спад активности со стороны администрации учреждений УИС в вопросах осуществления оперативно-служебной деятельности, направленной на противодействие противоправным действиям осужденных, нацеленных на дестабилизацию деятельности исправительных учреждений. Кроме того, до сих пор не искоренены факты создания привилегированных условий отбывания наказания «ворам в законе», «положенцам», «смотрящим за учреждением»¹.

При анкетировании сотрудников оперативных подразделений ФСИН России среди наиболее распространенных причин пенитенциарных правонарушений 62,2 % опрошенных указали на стремление осужденных завоевать или продемонстрировать лидерство. Среди иных причин самыми распространенными называлось стремление навязать свою волю, привычки, взгляды другим осужденным².

По мнению респондентов, наибольшую сложность при проведении индивидуальной и общей профилактики

правонарушений представляют осужденные, являющиеся лидерами и активными участниками группировок отрицательной направленности.

Применительно к исполнению и отбыванию уголовных наказаний особое внимание необходимо обращать на следующие типы криминального поведения: групповые побеги и массовые беспорядки. В среде лиц, отбывающих уголовные наказания или содержащихся под стражей, как криминологически значимые характеризуются такие массовые эксцессы, как групповой отказ от приема пищи (голодовка), групповое членовредительство, групповой отказ от выхода на работу (в составе бригады). Указанные виды правонарушений свидетельствуют о нарушении прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также могут свидетельствовать об организованной деятельности преступного сообщества «воров в законе». При несвоевременном принятии профилактических мер подобные эксцессы могут перерасти в особо опасные групповые неповиновения. В связи с этим механизм зарождения, развития, причины, объективные и субъективные факторы именно рассматриваемых нами противоправных действий должны быть объектом исследования криминологов и практических работников УИС на современном этапе развития ФСИН России.

При оценке состояния преступности в местах лишения свободы и содержания под стражей следует исходить из того, что преступность в них

¹ Об объявлении решений коллегии ФСИН России об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2013 году и задачах на 2014 год : приказ ФСИН России от 3 апр. 2014 г. № 160. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В анкетировании, проведенном сотрудниками НИИ ФСИН России в августе 2014 г., приняли участие 384 сотрудника оперативных аппаратов 12 территориальных органов ФСИН России.

«опасна по характеру и жестокости», поскольку для подозреваемых, обвиняемых и осужденных «наиболее характерны... своя “нравственность” и обычаи, а также пренебрежение к личности и даже жизни, а для значительного числа заключенных – полная нравственная деградация и отрицание “официальных” (с их точки зрения) ценностей»¹.

По нашему мнению, первым и, наверное, самым значимым субъективным фактором совершения правонарушений в пенитенциарном учреждении является наличие криминальной субкультуры.

Идеология пенитенциарного сообщества рождает один из наиболее эффективных инструментов противодействия преступников тюремным властям – объединение их в тюремные общины². Социальная среда мест лишения свободы и общность осужденных как ее важнейший структурный элемент представляют собой уникальное, недостаточно изученное, социальное явление. С первого дня пребывания в условиях изоляции от общества человек начинает испытывать на себе влияние «воровских законов» криминального мира, который, как и всякая общность людей, имеет свою иерархию, лидеров, низшие слои. Занимая определенное место в криминальной стратификации, человек становится всецело от него зависим.

Вступая в противоречие с официальной системой норм, криминальная система порождает многочисленные случаи насилия. В практической деятельности учреждений и органов УИС фиксируются случаи, когда пра-

вонарушения совершаются в отношении лиц, игнорирующих требования и традиции преступного мира. Такие лица нередко обрекаются на роль жертвы в криминальной среде.

Представляется справедливым тот факт, что криминальная (тюремная) субкультура фактически является основным источником напряженности и опасности в социальной среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Основными источниками данной опасности в условиях изоляции от общества выступают группировки отрицательной направленности с возглавляемыми их лидерами.

К следующему субъективному фактору, оказывающему влияние на состояние правонарушений в пенитенциарном учреждении, необходимо отнести конфликты, которые возникают в условиях закрытого социума. Приходится констатировать, что пенитенциарные конфликты лежат в основе большинства преступлений, особенно преступлений против жизни и здоровья.

Рассматриваемый нами фактор совершения пенитенциарных правонарушений можно разделить на две группы:

- конфликты между осужденными или их группами;
- конфликты отдельных осужденных или групп с администрацией исправительного учреждения.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие обстоятельства возникновения пенитенциарных конфликтов:

1. Целенаправленные действия по унижению чести и личного достоинства (оскорбление в присутствии других лиц, притеснение по каким-либо

¹ Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 285.

² Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антонына, А. Я. Гришко, А. П. Фальченко. Рязань, 2009. С. 126.

физическим признакам, распространение лживых слухов, склонение к вступлению в гомосексуальные связи и др.)¹.

2. Посягательства на материальную сферу осужденных (кража личного имущества, невыполнение долговых обязательств и др.).

3. Грубое нарушение системы неформальных ценностей, норм, обычаев и традиций криминального (тюремного) мира (передача лицу, имеющему низкий «социальный» статус в криминальной стратификации предметов, например сигарет из рук в руки).

4. Факты преднамеренного злоупотребления своим положением или занимаемой должностью (бригадир, дневальный по отряду).

5. Проявление излишней личной активности и инициативы в общественной деятельности отряда, колонии (высказывание (продвижение) своих идей, направленных на активизацию общественной жизни в рамках исправления и поддержания режима отбывания наказания в ходе общего собрания отряда исправительной колонии).

6. Оказание несанкционированного и несогласованного с лидерами группировок отрицательной направленности («положенцами», «смотрящими») содействия персоналу пенитенциарных учреждений в решении вопросов, затрагивающих интересы осужденных.

7. Негласное содействие оперативным аппаратам исправительных учреждений.

8. Нарушение Правил внутреннего распорядка исправительных

учреждений и установленного распорядка дня, непосредственно не связанных с ущемлением интересов конкретных лиц (стилем осуществления руководства бригадой, хранением запрещенных предметов и т. д.).

9. Индивидуально-психологические особенности личности и поведения осужденных (психологическая несовместимость, психические расстройства, чрезмерная агрессивность и др.).

10. Межэтнические и религиозные разногласия между осужденными.

По результатам проведенного сотрудниками НИИ ФСИН России социологического исследования, около 45 % конфликтных ситуаций в исправительных колониях общего режима и около 65 % конфликтов в исправительных колониях строгого режима разрешаются самими осужденными. Необходимо отметить, что в каждой второй конфликтной ситуации в качестве посредников или «арбитров» выступают лидеры малых неформальных групп. Участники конфликтов предпочитают обращаться к представителям администрации (в первую очередь к сотрудникам подразделений безопасности (режима), оперативного аппарата и начальникам отряда отдела по воспитательной работе с осужденными) лишь в ситуациях, связанных с угрозой их жизни и здоровью, т. е. в случаях, когда требуется изоляция от основной массы подозреваемых, обвиняемых или осужденных в безопасном месте².

В заключении необходимо отметить следующее.

¹ См. подробнее: Головкин Р. Б., Сорокин М. В. Право, «воровские» традиции и естественно-биологические нормы в регулировании сексуальных отношений в пенитенциарных учреждениях // Материалы за 9-а международна практична конференция «Achievement of High School», 17–25 Nov. София, 2013. С. 64–74.

² Предупреждение пенитенциарных правонарушений : метод. пособие / под общ. ред. В. В. Цатурова. М., 2014. С. 37.

Во-первых, традиционные для криминологии виды преступной деятельности в местах лишения свободы и содержания под стражей приобретают специфический характер пенитенциарной преступности.

Во-вторых, противоправная деятельность лидеров уголовно-преступной среды в условиях изоляции от общества имеет в своей основе элемент организованности. Сплочение подозреваемых, обвиняемых и осужденных в группы отрицательной направленности с целью противодействия деятельности администрации исправительного учреждения неизбежно нуждается в урегулированной системе взаимоотношений. В условиях пенитенциарного учреждения таким регулятором выступают традиции и обычаи «воровского» (тюремного) мира, образующие в своей совокупности криминальную субкультуру. В свою очередь, крими-

нальная субкультура является основным субъективным детерминантом не только пенитенциарной преступности, но и любой противоправной деятельности как внутри исправительного учреждения, так и за его пределами.

В-третьих, основными хранителями и распространителями криминальной субкультуры в условиях закрытого социума выступают лидеры уголовно-преступной среды в лице «воров в законе», «смотрящих», «полуженцев». Указанные категории лиц занимают лидирующее положение в криминальной стратификации, обладают значительным влиянием на основную массу подозреваемых, обвиняемых, осужденных и являются своего рода адептами «воровской» идеологии, а также выступают в роли основного субъективного фактора, дестабилизирующего оперативную обстановку в исправительном учреждении.

Библиографический список

1. *Карпец И. И.* Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – М. : Рос. право, 1992. – 432 с.
2. Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фальченко. – Рязань : Акад. ФСИН России, 2009. – 567 с.
3. Предупреждение пенитенциарных правонарушений : метод. пособие / Е. В. Гнедов [и др.] ; под общ. ред. В. В. Цатурова. – М. : ОУ ФСИН России : ФКУ НИИ ФСИН России, 2014. – 96 с.

References

1. *Karpecz I. I.* Crime: Illusions and Reality. M., Rossijskoe Pravo, 1992. 432 p.
2. Prison Criminology. Ed. by Yu. M. Antonyan, A. Ya. Grishko, A. P. Fal'chenko. Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2009. 567 p.
3. *Gnedov E. V.* et al. Warning Penal Offences. Ed. by V. V. Czaturov. M., OU FSIN Rossii, FKU NII FSIN Rossii, 2014. 96 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье на основе анализа практической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и теоретических основ уголовного права рассматривается специфика пенитенциарных правонарушений, совершаемых подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: пенитенциарные правонарушения, исправительное учреждение, виновное деяние, опасные последствия, признаки правонарушений.

M. V. Sorokin, O. E. Sorokina

THEORETICAL BASIS OF CHARACTERISTICS PENAL OFFENSES

Abstract. In article on the basis of the analysis of the practical activity of the institutions and bodies of the penal system and the theoretical foundations of criminal law focuses on the specifics of penal offences committed by suspects, accused and convicts in penitentiary institutions.

Key words: penal offenses, correctional facility, guilty act, dangerous consequences, signs of delinquency.

В общей теории права существует мнение, которое разделяем и мы, что под правонарушением понимается «виновное, противоправное деяние вменяемого лица, причиняющего вред другим лицам и обществу, влекущее юридическую ответственность»¹.

Проводя аналогию с уголовно-исполнительной системой, можно констатировать, что правонарушение в пенитенциарном учреждении – это противоправное деяние подозреваемого, обвиняемого и осужденного, посягающее на правопорядок в исправительном учреждении, тем самым нарушающее установленный порядок содержа-

ния под стражей и отбывания наказания, однако не всегда достигающее общественной опасности преступления.

Следует отметить, что правонарушение может проявляться в двух формах – в целенаправленном противоправном действии или в бездействии лица. Противоправность пенитенциарного правонарушения есть направленность деяний против установленного порядка содержания под стражей, отбывания наказания и правовых предписаний в рамках уголовного, уголовно-исполнительного и административного законодательства.

Правонарушение влечет за собой негативные последствия (или, как их

еще называют в уголовном праве и теории права, причиненный вред или наличие угрозы его причинения)¹. В научной литературе встречаются утверждения, исключающие вред из системы признаков правонарушения. Однако, по нашему мнению, приводимые авторами этой идеи аргументы не убедительны.

Мы солидарны с утверждением профессора Н. С. Малеина, согласно которому «наличие вреда является социальным признаком всякого правонарушения, обуславливающим и характеризующим все правонарушения в качестве общественно опасных деяний»².

В большинстве случаев наличие негативных последствий есть объективная сторона правонарушения, так как даже самое малозначительное нарушение режима в пенитенциарном учреждении оказывает негативное влияние на его функционирование.

На практике сотрудникам исправительных учреждений бывает трудно определить степень опасности правонарушения, какую оно представляет для нормального функционирования пенитенциарного учреждения, а на основании этого установить оптимальную меру юридической ответственности.

По нашему мнению, следует выделить три вида негативных последствий, которые могут возникать как результат совершенного правонарушения в пенитенциарном учреждении: незначительные, опасные и особо опасные.

К незначительным последствиям следует отнести вред, который не оказывает существенного отрицательного влияния на функционирование пенитенциарного учреждения, а

также на подозреваемых, обвиняемых и осужденных, представителей администрации и иных граждан, находящихся на территории (несоблюдение личной гигиены, плохая заправка спального места, сон в неустановленное расписанием дня время, плохая уборка камерного помещения или помещения отряда, использование самодельных электроприборов и т. д.); наносимый вред является небольшим и восстанавливаемым.

Опасные последствия представляет собой вред, причиненный от совершенного правонарушения, оказывающий отрицательное воздействие на процесс исполнения меры пресечения в виде содержания под стражей и исправления осужденных, но при этом восстанавливаемый (пронос, изготовление и хранение запрещенных предметов; выбрасывание чего-либо из окон; подход вплотную к смотровому отверстию в двери камеры, а также закрывание его; ведение переговоров, осуществление передачи каких-либо предметов лицам, содержащимся в других камерах, перестукивание или переписка с ними; поднятие каких-либо предметов, нажатие кнопки тревожной сигнализации и др.).

Особо опасным последствием является вред, который оказывает отрицательное воздействие на других лиц, содержащихся в исправительном учреждении, и влечет за собой изменение оперативной обстановки. Это трудновосстановимый или невозстановимый вред (злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы; разведение открытого огня

¹ Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права : учебник. М., 1996. С. 93.

² Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 9.

в камере; причинение вреда имуществу, находящемуся в камере; нарушение линии охраны; изготовление и употребление алкогольных напитков, употребление наркотических, психотропных и других запрещенных к употреблению веществ и т. д.).

В зависимости от объекта, на который направлено правонарушение, его последствия могут быть следующие:

– материальные – нанесение вреда имущественного характера, например поломка (уничтожение) инвентаря в камере;

– моральные – нанесение вреда личного характера, а именно оскорбление сотрудников мест содержания под стражей и иных лиц, притеснение или оскорбление подозреваемых, обвиняемых или осужденных;

– физические – нанесение телесных повреждений, т. е. причинение вреда здоровью лица, содержащегося в следственном изоляторе, либо представителя администрации исправительного учреждения; убийства, которые влекут за собой ответственность в рамках уголовного права.

На основании изложенных доводов можно выделить четыре признака, характеризующих правонарушения в пенитенциарной сфере:

1) волевое и целенаправленное действие (а также бездействие);

2) противоправность (нарушение нормы права);

3) виновность (психическое отношение субъекта, осознание последствий);

4) наступление вредных последствий.

Юридический состав правонарушения – это система признаков правонарушения, необходимых и достаточных для возложения юридической ответственности. В юридический состав входят:

1) субъект правонарушения (дееспособное физическое лицо, совершившее противоправное деяние);

2) объект правонарушения (это то, на что посягает правонарушение; родовым объектом выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе содержания под стражей или отбывания наказания, видовым – жизнь и здоровье лиц, в отношении которых применяется мера пресечения в виде содержания под стражей, или отбывающих наказание в виде лишения свободы, персонала исправительного учреждения, иных лиц, имущества исправительного учреждения, подозреваемых, обвиняемых и осужденных и т. п.);

3) субъективная сторона правонарушения (совокупность признаков, характеризующих субъективное отношение подозреваемого, обвиняемого или осужденного к совершенному противоправному деянию и его последствиям, главной категорией в данном случае выступает вина, под которой понимают психическое отношение лица к совершенному им правонарушению в период содержания под стражей или отбывания наказания)¹.

Целесообразно провести классификацию видов правонарушений в пенитенциарном учреждении:

– преступления;

– административные правонарушения;

¹ Сорокин М. В., Сорокина О. Е. Юридические аргументы при исполнении уголовных наказаний // Юрид. техника. Н. Новгород, 2013. № 7. Ч. 1 : Юридическая аргументация: теория, практика, техника. С. 314.

– дисциплинарные нарушения (нарушения режима содержания под стражей или отбывания наказания).

Следует отметить важность разграничения административных правонарушений и дисциплинарных, а также преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях.

Подозреваемый, обвиняемый или осужденный за противоправные действия может быть привлечен не только к дисциплинарной, но и к административной или уголовной ответственности. В данном случае лицо будет являть объектом нескольких видов юридической ответственности, хотя и находиться под юрисдикцией администрации места содержания под стражей или лишения свободы. Дело в том, что нормативные правовые акты уголовно-исполнительного характера регламентируют не все стороны жизнедеятельности лиц, содержащихся под стражей, а также отбывающих уголовные наказания. Вполне допустимы такие сферы их деятельности, которые регулируются нормами других отраслей права.

Рассмотрим критерии разграничения нарушений установленного порядка содержания под стражей и отбывания наказания от пенитенциарных преступлений. В теории права общепринятым является положение о том, что основным критерием разграничения дисциплинарных проступков и уголовных преступлений является степень общественной опасности совершенного деяния.

Из смысла ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) очевидно, что законодательство к признакам преступлений относит общественную опасность противоправного деяния, запрещенную уголовным законодательством, а

также вытекающую из нее уголовную наказуемость.

Характерными признаками, свойственными любому преступлению, в том числе пенитенциарному, являются:

- 1) деяние;
- 2) общественная опасность;
- 3) противоправность;
- 4) виновность;
- 5) наказуемость.

Термин «деяние» в уголовном законодательстве употребляется в широком смысле и включает в себя, наряду с общественно опасным действием или бездействием, наступившие в результате последствия и другие признаки преступления.

Деянием в уголовном праве признается только поведение, имеющее внешнее выражение, т. е. изменяющее общественные отношения. При исполнении меры пресечения в виде содержания под стражей или уголовного наказания ее особенность определяется специальным правовым статусом лиц, спецификой условий в пенитенциарном учреждении и особой социальной средой. Преступные замыслы, о которых стало известно администрации исправительного учреждения, не признаются деянием в связи с тем, что лицо не приступало к их реализации (исполнению).

Пенитенциарное преступное деяние может быть выражено:

– физически, если лицо, его совершающее, оказывает воздействие на вещи, предметы, людей (например, кража чужого имущества, применение насилия (нападение) на сотрудника пенитенциарного учреждения при исполнении им своих должностных обязанностей);

– словесно, если высказывание оказывает воздействие на других лиц

или склоняет их к преступным действиям (например, угроза применения насилия или публичное оскорбление представителя администрации исправительного учреждения при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением);

– путем жестикюляции (конклюдентно). Этот вид преступного деяния получил наибольшее распространение при соучастии в совершении преступления.

Пенитенциарным преступлением может быть признано только общественно опасное деяние, т. е. оно должно нести в себе опасность для общественных отношений, возникающих в процессе исполнения меры пресечения в виде содержания под стражей или отбывания наказания в виде лишения свободы.

Общественная опасность является материальным признаком пенитенциарного преступления, т. е. его основой, сущностью, объясняющей необходимость признания совершенного деяния преступлением. Отчетливое представление о материальном признаке пенитенциарного преступления позволяет очертить круг противоправных деяний, входящих в сферу уголовно-правового регулирования, и в связи с этим федеральным органам государственной власти, а также иным уполномоченным лицам вырабатывать стратегию профилактики и борьбы с преступлениями, совершаемыми при исполнении меры пресечения в виде содержания под стражей или лишения свободы, эффективно организовывать деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по

своевременному выявлению преступлений. Кроме того, оценка правонарушения с точки зрения его общественной опасности помогает квалифицировать его в каждом конкретном случае. Малозначительность совершенного противоправного деяния, даже если оно формально предусмотрено уголовным законом, не может свидетельствовать о преступной составляющей деяния в связи с тем, что оно не несет в себе общественной опасности. О малозначительности деяния должно свидетельствовать отсутствие физического, материального или иного ущерба, а также его небольшой объем и отсутствие опасности наступления вреда¹.

В заключение необходимо отметить, что совершенное противоправное деяние не может быть признано преступлением, если его состав не закреплён в УК РФ. Такие нормы содержатся в Особенной части УК РФ, их можно разделить на две большие группы:

а) нормы, предусматривающие уголовную ответственность за общеуголовные преступления, которые могут быть совершены не только в исправительных учреждениях (кражи, убийства и т. д.);

б) нормы, предусматривающие ответственность за специфические пенитенциарные преступления, которые могут совершаться только подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными в период содержания под стражей или отбывания наказания (ст. 313 УК РФ – побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи; ст. 314 УК РФ – уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения

¹ Профилактика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях : учеб. пособие / [В. Д. Крачун и др.]. Владимир, 2012. С. 49.

свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера; ст. 321 УК РФ – дезорганизация

деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества).

Библиографический список

1. *Кашанина Т. В.* Основы российского права : учебник / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. – М. : Норма, Инфра-М, 1996. – 624 с.
2. *Малеин Н. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. – М. : Юрид. лит., 1985. – 182 с.
3. Профилактика тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях : учеб. пособие / [В. Д. Крачун и др.]. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2012. – 88 с.
4. *Сорокин М. В.* Юридические аргументы при исполнении уголовных наказаний / М. В. Сорокин, О. Е. Сорокина // Юрид. техника. – 2013. – № 7. – Ч. 1. – С. 312–314.
5. *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М. : Отечество, 1993. – 343 с.

References

1. *Kashanina T. V., Kashanin A. V.* Basis of Russian Law. M., Norma, Infra-M, 1996. 624 p.
2. *Malein N. S.* Offense: Concept, Causes and Responsibility. M., Yuridicheskaya Literatura, 1985. 182 p.
3. *Krachun V. D.* et al. Prevention of Grave and Especially Grave Crimes Committed by Inmates in Prisons. Vladimir, VYuI FSIN Rossii, 2012. 88 p.
4. *Sorokin M. V., Sorokina O. E.* Legal Arguments in the Execution of Criminal Penalties. *Yuridicheskaja Tekhnika*. 2013. No. 7. Pt. 1. P. 312–314.
5. *Khropanyuk V. N.* The Theory of State and Law. M., Otechestvo, 1993. 343 p.

УДК 347.4:316.485.6

Т. В. Худойкина

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО СПОРА И КОНФЛИКТА

Аннотация. В статье раскрывается компромиссный подход к разрешению юридических споров и конфликтов, основанный на согласовании интересов путем взаимных уступок. Обосновывается роль мирового соглашения как примирительной процедуры (самостоятельного процесса саморегулирования сторонами спора). Дается определение такого мирового соглашения и анализируются его характерные черты.

Ключевые слова: спор, конфликт, мировое соглашение, примирительная процедура, взаимные уступки, примирение сторон.

T. V. Khudojkina

SETTLEMENT AGREEMENT AS CONCILIATION – TIME DECISIONS OF A LEGAL DISPUTE AND CONFLICT

Abstract. The article reveals the compromise approach to the resolution of legal dispute and conflicts based on the coordination of interests through mutual concessions. Substantiates the role of the settlement agreement as a conciliation procedure (singly – your self-process of self-regulation by the parties to the dispute). Provides a definition of the settlement agreement and analyze its characteristics.

Key words: argument, conflict, the settlement agreement, the conciliation, mutual concessions, the reconciliation of the parties.

Раскрытие заявленной проблематики первоначально требует следующего пояснения: исходя из сложной российской действительности, мы различаем категории «спор» и «конфликт», поэтому считаем, что наиболее правильным будет включение именно двух терминов («юридический спор» и «юридический конфликт») в название исследуемой проблемы.

Как же соотносятся между собой эти понятия? Вторая категория шире первой. Если юридический конфликт – это противоборство сторон (субъектов

права) с противоречивыми правовыми интересами¹ (разногласиями), то юридический спор, с формальной стороны, – совокупность неурегулированных разногласий, а с содержательной – в целом есть форма допустимого правомерного (а следовательно, конструктивного) поведения по отстаиванию правовых интересов. Если же происходит выход за нормативные (правовые, моральные, этические) пределы установленных процедур, то это уже будет деструктивный правовой спор, кото-

© Худойкина Т. В., 2015

¹ Данного определения придерживаются многие ученые. См., напр.: Ромашов Р. А. Конфликтология : учеб. пособие. СПб., 2006. С. 248 ; Худойкина Т. В., Брыжинский А. А. Юридическая конфликтология : учеб. пособие. Саранск, 2008. С. 17 и др.

рый следует рассматривать как юридический конфликт, частью которого могут быть правонарушения. Но внутри возникшего противоборства в правовой сфере может быть и конструктивный правовой спор¹.

Технология разрешения юридического спора или конфликта должна ориентироваться на согласование интересов (на компромисс как признание конфликтующими сторонами правомерности притязаний их оппонентов). Результатом наиболее разумного варианта разрешения может быть соглашение, достигнутое путем договоренности сторон непосредственно либо с помощью третьих лиц, состоящее в достижении взаимоприемлемых правомерных обоюдных уступок субъектов конфликта. Такое соглашение должно быть обусловлено не только факторами приемлемости его всеми сторонами, но и формальным непротиворечием законодательным актам. Кроме того, основной его характеристикой является полное, правильное понимание границ уступок каждой из сторон и добровольный выбор процедуры достижения между ними согласия.

Таковыми процедурами могут быть переговоры, согласительные комис-

сии, посредничество (медиация), мировое соглашение и др. Данные примирительные процедуры в научной литературе также называются негосударственными, альтернативными методами, способами, формами. Они не разновидность правосудия². Защита права является их желаемой целью, которая не всегда достижима при использовании альтернативных способов, основанных на взаимных уступках. Приоритетной же их целью, в отличие от судопроизводства, выступает окончательное, быстрое и неформальное разрешение споров и конфликтов, возникающих в правовой сфере.

Примирительные процедуры можно делить на применяемые вне судебной системы и внутри ее. К первым (применяемым вне судебной системы) в нашей стране можно отнести переговоры, институт посредничества и др. Как модель судебной примирительной процедуры можно рассматривать заключение сторонами мирового соглашения в суде.

В зарубежной и отечественной научной литературе высказывается точка зрения, согласно которой мировое соглашение – это не процедура, а достигнутый результат³. По мнению, например, Д. Л. Давыденко, «мировое

¹ Возможно следующее соотношение юридического спора и юридического конфликта: во-первых, юридический спор как конструктивное действие, оставаясь на данном уровне, не перерастает в конфликт; во-вторых, спор перерастает в конфликт, когда приобретает деструктивный характер и продолжает свое существование в виде противоборствующих действий; в-третьих, конфликт может протекать в форме юридического спора как деструктивного, так и конструктивного, наряду (или сменяясь) с другими противоборствующими действиями.

² По отношению к правосудию альтернативное разрешение является вспомогательной системой, которая не заменяет его (правосудие), не преграждает доступ к нему и не конкурирует с ним, а наоборот, сотрудничает, помогая в разрешении значительного количества споров (именно такое его понимание открывает возможности для широкого распространения любых альтернативных механизмов урегулирования споров и конфликтов в соответствии с демократической формулой права «разрешено все, что не запрещено»).

³ См., напр.: *Чекмарева А. В.* Мировое соглашение как результат выполнения задачи примирения сторон при подготовке дела к судебному разбирательству // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 8. С. 76–80; *Черемисин П. Г.* Примирительные процедуры и место мирового соглашения в их системе // *Вестн. Высш. Хозяйств. Суда [Респ. Беларусь].* 2010. № 1. С. 158–167 и др.

соглашение не сама процедура (способ) улаживания спора, а возможный результат, достигаемый в ходе различных процедур (переговоров, посредничества, третейского и судебного разбирательства), средство правового оформления и закрепления достигнутого урегулирования спорного вопроса»¹. С данной позицией трудно согласиться, что подтверждается и законодательством. Например, п. 2 ст. 138 АПК РФ закрепляет, что стороны «могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или применяя другие примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации, если это не противоречит федеральному закону», т. е. законодатель рассматривает мировое соглашение в качестве примирительной процедуры.

Мировое соглашение представляет собой самостоятельный процесс саморегулирования сторонами спора, в котором можно выделить несколько этапов: 1) волеизъявление сторон; 2) его правовое оформление (заключение волеизъявления сторон в письменной форме); 3) правовое закрепление достигнутого урегулирования конфликта (утверждение судом мирового соглашения). То есть в традиционном российском правопонимании оно является судебным примирением.

В связи с этим мировое соглашение следует рассматривать именно как примирительную процедуру разрешения юридических споров и конфликтов, применяемую в гражданском, арбитражном процессах (возможно, и в уголовном процессе), в третейском разбирательстве.

В российском праве нет легального (законодательного) определения мирового соглашения. Еще в дореволюционной юридической науке формировались понятия данного института, содержащие основы компромиссного примирения сторон. Так, К. П. Победоносцев понимал под мировым соглашением (мировой сделкой) договор, посредством которого стороны устраняют сомнительность или неясность существующих между ними отношений путем взаимных уступок, обращая возникшие из них притязания в бесспорные и несомненные². Г. Ф. Шершеневич определял мировое соглашение (сделку) как договор, в силу которого стороны ввиду сомнительности принадлежащих им (в отношении друг друга) прав обязуются ко взаимным уступкам, целью такой сделки, по его мнению, является устранение или предупреждение спора ценой обоюдных жертв³.

Вопрос о необходимости взаимных уступок в рамках заключения мирового соглашения является в науке дискуссионным. В дореволюционной доктрине разделялись мнения об обязательности взаимных уступок. Ряд исследователей советского и современного периодов (М. А. Гурвич, А. И. Зинченко и др.), продолжая дореволюционную традицию, указывают на обязательность взаимных уступок в мировом соглашении, другие ученые (Р. Е. Гукасян, Е. В. Пилехина и др.) считают их необязательными.

Авторы, отрицающие необходимость взаимных уступок в мировом соглашении, обычно приводят следу-

¹ Давыденко Д. Л. Некоторые теоретические аспекты мирового соглашения // Юрист. 2003. № 3. С. 20–26.

² Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Договоры и обязательства. Изд. 4-е. Спб., 1896. Ч. 3. С. 25.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 342.

ющий аргумент: если суд на основании отсутствия взаимности уступок в мировом соглашении будет отказывать в его утверждении, то это приведет к сужению свободы сторон. По нашему мнению, такая проверка не повлечет каких-либо отрицательных последствий для интересов сторон, в частности, для возможности юридического закрепления их примирения: если судья откажет в утверждении мирового соглашения по причине отсутствия взаимности уступок, то стороны могут прекратить конфликт либо отказом от иска, в случае отсутствия уступки со стороны ответчика, либо признанием иска, в случае отсутствия уступки со стороны истца.

Однако следует отметить, что проверка судом наличия взаимности уступок не должна переходить в проверку их равноценности, что означало бы ущемление свободы сторон. Часто достичь примирения возможно лишь потому, что одна сторона в меньшей степени, чем другая, дорожит своим благом.

Суд должен выявлять действительность воли сторон, определять, нет ли заблуждений. Кроме того, такая проверка предупреждает возможность возникновения последующих конфликтов между сторонами и неисполнения мировых соглашений субъектом, впоследствии выяснившим, что его уступки были односторонними.

Требование взаимности уступок сторон как необходимое условие мирового соглашения содержат законодательства подавляющего большинства западных стран. В российском законодательстве такая установка отсутствует.

Суммируя все правильные, по нашему усмотрению, характеристики рассматриваемой категории, дадим

следующее определение: *мировое соглашение* – это волеизъявление сторон, заключающееся в виде договора об условиях разрешения конфликта на основе взаимных уступок.

Итак, по нашему мнению, существенным условием заключения мирового соглашения должно быть наличие взаимных уступок сторон (данное условие говорит о компромиссной природе мирового соглашения). Уступки лица, предъявляющего претензию (иск), могут заключаться в уменьшении существующего требования либо в замене большего требования другим, меньшим. Уступки лица, к которому предъявлена претензия (иск), могут заключаться в частичном признании требований или в предоставлении взамен иного материального блага. Полное же признание требования – это признание ответчиком иска, т. е. другой правовой институт.

Для заключения мирового соглашения всегда необходимо обоюдное волеизъявление сторон, поэтому не могут рассматриваться в качестве такового односторонние акты, например, такие как односторонний акт прощения долга. Если сторона безусловно отказалась от исковых требований или возражений на них, причем такое волеизъявление соответствовало ее действительной воле, то не имеет практического значения, будет ли этот отказ оформлен как односторонний акт (отказ от иска / признание иска) или двусторонний акт (договор).

Разногласия разрешаются на основе добровольного, совместного урегулирования взаимных претензий на взаимоприемлемых (взаимовыгодных) для сторон условиях, путем прекращения прежних обязательств и принятия новых. В действительности может быть достигнуто либо симметричное (субъекты делают приблизительно

равные взаимные уступки), либо асимметричное (когда один субъект уступает больше, а другой – меньше) согласие, которое (полностью или частично) удовлетворяло бы обе стороны. Уступки вовсе не обязательно должны означать ущерб, убытки или упущенную выгоду, они могут быть в виде обязанности совершить определенные действия, признания прав, предоставления льгот и т. п.

В соответствии с условиями мирового соглашения стороны не обязательно делят предмет спора в определенных пропорциях, ответчик может удовлетворить требования истца полностью, но в ответ на определенное предоставление со стороны последнего. В качестве примера В. М. Хвостов приводил ситуацию, при которой за одной стороной признается право, на которое она претендует, а другая сторона за это получает определенное вознаграждение¹.

Мировое соглашение предназначено именно для случаев, когда сторона отказывается от продолжения спора не безусловно, а в обмен на некое ответное предоставление, в противном случае получится, что мировое соглашение отчасти выполняет ту же функцию, которую и так с успехом выполняют другие институты, что едва ли целесообразно.

Такое соглашение должно являться результатом действительно свободного волеизъявления сторон, оно не может быть результатом обмана, угрозы, насилия, неправильного понимания действительного взаимоотношения сторон и т. д. (судебную практику порочат такие случаи, когда, например, по достаточно простому делу судья склоняет истцов к заключению выгодного ответчикам мирового

соглашения). Оно должно быть заключено на основе добровольного согласия обеих сторон, без всякого принуждения и вмешательства третьих лиц.

Можно выделить следующие характерные черты мирового соглашения:

1) законный характер (его содержание должно соответствовать закону, не должно нарушать права и законные интересы других лиц, и в то же время в нем должны ясно и понятно излагаться права и обязанности сторон);

2) договорно-правовой характер (оно не может быть заключено в отсутствие взаимного согласия сторон; обладает исполнительной силой; вследствие особой формы его закрепления (его условия включаются в судебный акт – определение), в связи с чем оно не может быть расторгнуто сторонами как обычный договор; мировое соглашение прекращает свое существование только в результате отмены судебного акта, его утвердившего);

3) распорядительный характер (стороны распоряжаются своими правами, при этом не имеет значения, обладали ли они такими правами, или нет, важно лишь, чтобы они не распоряжались правами, принадлежащими третьим лицам. Некоторые исследователи полагают, что мировое соглашение является актом распоряжения и материальными, и процессуальными правами. Руководствуются они тем, что истец лишается права подачи иска по данному делу, а если мировое соглашение заключено после вынесения судом решения, то стороны, якобы, уступают права обжалования этого решения. Но само по себе право на подачу иска или апелляционной жалобы неотчуждаемо, его регулируют императивные нормы закона.

¹ Хвостов В. М. Система римского права : учебник (по изд. 1908 г.). М., 1996. С. 210.

Заклучив же мировое соглашение, стороны просто утрачивают основания для их подачи, т. е. стороны утрачивают право подачи иска или обжалования судебного решения не непосредственно, а как следствие уступки по мировому соглашению определенных материальных прав. В связи с этим в тексте мирового соглашения может содержаться лишь отказ от определенных материальных прав);

4) производный характер от основных правоотношений (мировое соглашение является продолжением предшествующих отношений, которые оно изменяет, уточняет или подтверждает);

5) межотраслевой характер (мировое соглашение – это межотраслевой институт, так как оно, во-первых, знакомо гражданскому, трудовому, семейному и другому праву; во-вторых, является институтом процессуального и материального права; в-третьих, во многих странах, в том числе и в России, мировое соглашение может прекращать споры как из частноправовых, так и из публично-правовых отношений);

6) двусторонний характер (права и обязанности по мировому соглашению приобретают оба субъекта);

7) консенсуальный характер (для применения мирового соглашения в качестве примирительной процедуры разрешения спора или конфликта достаточно только согласия сторон на его заключение, если будут определены все его существенные требования);

8) включаемость в состав гражданско-правового договора (любой гражданско-правовой договор может быть мировым соглашением, если его целью является прекращение конфликта посредством взаимных уступок. Особую гибкость и эффективность мировому соглашению придаст

возможность увязывать со спорными иными правоотношениями между сторонами, в этом случае такие отношения утрачивают автономность и становятся частью мирового соглашения).

Необходимым условием для приобретения мировым соглашением правового значения является его утверждение судом (процессуальная форма утверждения мирового соглашения – определение, которое имеет те же последствия, что и судебное решение: исключается повторное обращение с этим же спором между теми же сторонами в судебные органы, а в случае невыполнения одной из сторон принятых на основании мирового соглашения обязательств, последние могут быть принудительно исполнены по общим правилам исполнительного производства).

Утверждение судом мирового соглашения сторон придает ему силу юрисдикционного акта со всеми вытекающими последствиями, поэтому законодательством подробно регламентируется этот процессуальный порядок.

В АПК РФ нормы о мировом соглашении как примирительной процедуре обособлены в отдельную главу (гл. 15), по такому же примеру необходимо, на наш взгляд, систематизировать нормы о мировом соглашении и в ГПК РФ.

В п. 2 ст. 140 АПК РФ закрепляются обязательные требования к содержанию мирового соглашения: должно содержать сведения, согласованные сторонами, об условиях, размере и о сроках исполнения обязательств друг перед другом либо одной стороной перед другой. Кроме того, лица, заключающие мировое соглашение, могут закрепить в нем и иные условия, не противоречащие закону, часть из них перечислена в

АПК РФ: об отсрочке, о рассрочке исполнения ответчиком обязательств, об уступке прав требования, о распределении судебных расходов, о частичном или полном прощении либо признании долга.

Все условия должны быть четко определены. В противном случае их неопределенность может сделать невозможным исполнение мирового соглашения и породить новые конфликты.

Суд должен проверить исполнимость условий мирового соглашения (законодательно этот вопрос не урегулирован). Неопределенность таких условий в судебной практике отмечается в качестве основания для отмены определения об утверждении мирового соглашения. В каждом конкретном случае, если участники мирового соглашения настаивают на каких-либо не ясно выраженных условиях, суду следует отказывать в его утверждении ввиду противоречия закону.

В отличие от судебного решения (акта государственного принуждения), которое нередко увеличивает разрыв и всякие, в том числе деловые, отношения между сторонами, мировое соглашение (в первую очередь исполненное) приближает последних к окончательному примирению, не

оставляет у них чувства неудовлетворенности. В связи с этим мировое соглашение, тем более в условиях не всегда эффективно действующей государственной системы защиты субъективных прав, можно считать наиболее прогрессивной формой разрешения конфликтов. Принятие концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹ позволяет обозначить примирительные процедуры как важный элемент становления гражданского общества, а также как средство экономии бюджетных ресурсов и разгрузки судов.

Итак, мировое соглашение как примирительная процедура является наиболее быстрым, гибким и эффективным способом разрешения возникшего юридического спора или конфликта, который поощряется законом и внедряет в отношения между сторонами навыки самостоятельного урегулирования возникающих между ними разногласий, способствует сохранению партнерских отношений и делового сотрудничества. Именно поэтому суды, в зависимости от характера спора, обязаны постоянно содействовать окончанию дела путем заключения сторонами мирового соглашения.

Библиографический список

1. *Давыденко Д. Л.* Некоторые теоретические аспекты мирового соглашения / Д. Л. Давыденко // Юрист. – 2003. – № 3. – С. 20–26.
2. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. Договоры и обязательства : в 3 ч. / К. П. Победоносцев. – Изд. 4-е. – Спб. : Синод. тип., 1896. – Ч. 3. – 755 с.
3. *Ромашов Р. А.* Конфликтология : учеб. пособие / Р. А. Ромашов. – СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2006. – 437 с.
4. *Хвостов В. М.* Система римского права : учебник / В. М. Хвостов. – М. : СПАРК, 1996. – 312 с.

¹ О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : постановление Правительства Рос. Федерации от 27 дек. 2012 г. № 1406 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1, ст. 13.

5. Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология : учеб. пособие / Т. В. Худойкина, А. А. Брыжинский. – Саранск : Изд-во Морд. ун-та, 2008. – 224 с.

6. Чекмарева А. В. Мировое соглашение как результат выполнения задачи примирения сторон при подготовке дела к судебному разбирательству / А. В. Чекмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 8. – С. 76–80.

7. Черемисин П. Г. Примирительные процедуры и место мирового соглашения в их системе / П. Г. Черемисин // Вестн. Высш. Хозяйств. Суда [Респ. Беларусь]. – 2010. – № 1. – С. 158–167.

8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : СПАРК, 1995. – 487 с.

References

1. Davy'denko D. L. Some Theoretical Aspects of the Amicable Agreement. *Yurist*. 2003. No. 3. P. 20–26.

2. Pobedonoscev K. P. Course of Civil Rights. Contracts and Obligation. In 3 pt. Ed. 4th. Spb., Sinodal'naya Tipografiya, 1896. Pt. 3. 755 p.

3. Romashov R. A. Conflictology. SPb., Sankt-Peterburgskij Universitet MVD Ros-sii, 2006. 437 p.

4. Khvostov V. M. System of Roman Law. M., SPARK, 1996. 312 p.

5. Khudojkina T. V., Bry'zhinskij A. A. Legal Conflictology. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo Universiteta, 2008. 224 p.

6. Chekmareva A. V. Settlement Agreement as a Result of the Task of giving Reconciliation in the Preparation of the Case for Trial. *Zakony' Rossii: Opy't, Analiz, Rabota*. 2013. No. 8. P. 76–80.

7. Cheremisin P. G. Conciliation and Place of the Amicable Agreement in Their System. *Vestnik Vy'sshego Khozyajstvennogo Suda (Belarus)*. 2010. No. 1. P. 158–167.

9. Shershenevich G. F. Textbook of Russian Civil Law. M., SPARK, 1995. 487 p.

АНДРЕЕВ Андрей Фёдорович – кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.
mp_ved.vlsu@mail.ru

БОГАТЫРЁВ Валерий Викторович – доктор юридических наук, доцент заведующий кафедрой международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
valerii.bg@rambler.ru

БОРИСОВА Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
idborisova@gmail.com

ЕВДЕЕВА Наталия Владимировна – кандидат юридических наук доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
Nevdeeva@yandex.ru

КОЛОСОВ Антон Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент председатель Ковровского городского суда Владимирской области, доцент кафедры судебной деятельности Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых на базе Владимирского областного суда
kolosov.anton@gmail.com

ЛЕПЁШИН Дмитрий Александрович – судья Владимирского областного суда, доцент кафедры судебной деятельности Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых на базе Владимирского областного суда.
ui@vlsu.ru

НОВИКОВ Михаил Васильевич – кандидат юридических наук, доцент заместитель директора Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых по научной работе.
m_novikov@mail.ru

ОШМАРИН Александр Александрович – ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
oshmarin_aa@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

РОМАЗАНОВА Юлия Юнировна – аспирант кафедры государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
ramzas87@mail.ru

СОРОКИН Михаил Владимирович – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России.
sorokinmike@mail.ru.

СОРОКИНА Ольга Евгеньевна – ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
sorokinaboss@mail.ru

ХУДОЙКИНА Татьяна Викторовна – доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой правовых дисциплин Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.
kpd@urf.mrsu.ru

ABOUT THE AUTHORS

ANDREEV Andrey F. – PhD, associate professor, head department of constitutional law (state) and international law, the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation.

mp_ved.vlsu@mail.ru

BOGATY'RYOV Valerij V. – doctor of law, associate professor, head of the department of international law and foreign trade activities of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

valerii.bg@rambler.ru

BORISOVA Irina D. – doctor of law, professor, head of department of theory and history of state and law, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

idborisova@gmail.com

EVDEEVA Natalia V. – PhD, associate professor of the department of theory and history of state and law of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.

Nevdeeva@yandex.ru

KOLOSOV Anton S. – PhD, associate professor, chairmanship of the city court of Kovrov Vladimir region, an assistant professor of judicial activity of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs on the basis of the Vladimir regional court.

kolosov.anton@gmail.com

LEPYOSHIN Dmitrij A. – judge Vladimir regional court, associate professor of the judicial activities of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs on the basis of the Vladimir regional court.

ui@vlsu.ru

NOVIKOV Mikhail V. – PhD, associate professor, sweep-tel director of the Law Institute of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs on scientific work.

m_novikov@mail.ru

OSHMARIN Aleksander A. – assistant of the department of theory and history of state and law Law Institute of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

oshmarin_aa@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

ROMAZANOVA Yulia Yu. – graduate student of public and administrative rights Mordovia state university named after N.P. Ogaryov.
ramzas87@mail.ru

SOROKIN Mikhail V. – senior lecturer, department of penitentiary law Vladimir law institute of the Federal penitentiary service of Russia.
sorokinmike@mail.ru.

SOROKINA Olga E. – assistant of the department of theory and history of state and law Law institute of Vladimir state university named after Alexander and Nikolay Stoletovs.
sorokinaboss@mail.ru

KHUDOJKINA Tat'yana V. – doctor of law, professor, head of the department of legal disciplines of Mordovia state university named after N.P. Ogaryov.
kpd@urf.mrsu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы могут быть представлены в редакционную коллегию лично, по почте (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, каб. 203) или по электронной почте vestnikvlg.u.pravo@mail.ru.

Автор представляет в редакцию:

- подписанную рукопись, выполненную в соответствии с правилами оформления рукописи;
- электронный вариант рукописи;
- сведения об авторе;
- согласие на обработку персональных данных;
- автор, не имеющий ученой степени доктора наук, представляет рецензию, подписанную доктором наук.

1. Рукопись предоставляется в отпечатанном на бумаге формата А4 (210x297 мм) виде с приложением электронного варианта в формате MS WORD на электронном носителе (CD).

2. Рукопись должна быть оформлена в строгом соответствии с требованиями ГОСТ 7.89–2005 «Оригиналы текстовые, авторские и издательские. Общие технические требования» и ГОСТ Р 7.0.7–2009. «Статьи в журналах и сборниках. Правила оформления».

3. Комплектность рукописи:

- 1) Код УДК;
- 2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, название организации – места работы, должность (полностью), ученая степень, ученое звание (при наличии)) (на русском и английском языках);
- 3) название статьи (на русском и английском языках);
- 4) ключевые слова (на русском и английском языках);
- 5) аннотация рукописи (на русском и английском языках);
- 6) основной текст (на русском языке);
- 7) библиографический список (оформляется по ГОСТ Р 7.1 – 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления») (на русском и английском языках).

4. Авторский оригинал должен быть подписан автором (авторским коллективом) на титуле (подпись свидетельствует о том, что именно этот вариант прочитан автором и считается единственно верным) и пронумерован без пропусков страниц, включая рисунки, приложения и т. д.

5. Требования к набору текста на компьютере:
- основной текст – кегль 14-й, дополнительный – не ниже 12-го;
 - рукопись представляется в одном экземпляре, отпечатанном на одной стороне писчей бумаги белого цвета формата А4;
 - интервал между строками – полуторный;
 - гарнитура шрифта Times New Roman;
 - набор осуществляется в программе MS WORD или ее аналоге.

6. Оттиск шрифта черный, четкий (не допускается использование режима экономии тонера).

Абзацный отступ – 1,25 см.

Поля: верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Заголовки и подзаголовки печатаются прописными и строчными буквами (без подчеркивания и выделений в разрядку), отделяются от текста сверху и снизу одним интервалом.

Сноски должны быть постраничными, напечатаны через один интервал, пронумерованы и отделены от основного текста горизонтальной чертой.

7. Формулы. Высота букв формул должна соответствовать высоте кегля основного текста. Латинские буквы набираются курсивом (с наклоном), русские, греческие – прямым шрифтом. Между формулой и текстом должен быть обычный межстрочный интервал. Индексы набираются 12-м кеглем.

8. Таблицы. Текст таблиц набирается 12-м кеглем и распределяется равномерно по всему полю графы так, чтобы он не выходил за ограничивающие ее линии. Боковик таблицы должен быть отпечатан с соблюдением соподчиненности строк.

Числа (как в основном тексте, так и в тексте таблиц), имеющие более четырех знаков, должны подразделяться на разряды (по три цифры в каждом) с интервалом в один знак, за исключением чисел, обозначающих номера и даты.

Примечания и сноски к таблице должны быть напечатаны непосредственно под ней и обозначены звездочками.

9. Приводимый в рукописи фактический материал: описание событий, даты, статистические данные, собственные имена, термины, выдержки из нормативных актов и т. п., – автор (авторский коллектив) обязан выверить по официальным источникам. При обращении к нормативному акту необходимо указать его название, вид (закон, указ, постановление и т. д.), наименование органа государственной власти, его издавшего, дату подписания и номер. Загромождение текста большим количеством цитат не допускается.

10. Ссылки на работы, используемые автором, должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5– 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и не должны превышать 1/3 текстового материала, содержащегося на данной странице.

11. Образцы оформления ссылок и пристатейных списков литературы см.: http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf